

Стена

Двухнедельный военный журнал ЦВ ВЛКСМ

В. И. Ленин
Библиотека
В. И. Ленин

№ 6
МАРТ 1942 г.
XIX ГОД ИЗДАНИЯ

Сегодня — бойцы Всевожуба, завтра — фронтовики-минометчики. Москвичи Н. Малаватский и Е. Рулев — бойцы учебного подразделения минометчиков — на «сечевой позиции». Фото И. Шагина.

УЧИМСЯ ГРОМИТЬ ВРАГА

Высоко над землей, на дереве, сидит в засаде автоматчик. Он чутко прислушивается к каждому звуку: не слышен ли хруст веток под ногой осторожного и хитрого противника?..

Внизу расстилаются мирные подмосковные поля. Дело происходит вдали от фронта. Комсомолец А. Бутов — пока еще не фронтовик, он боец учебного подразделения автоматчиков, но он, как и другие его товарищи по Всесоюзбу, изучает военное искусство в условиях, предельно близких к боевым.

Зима не прошла без пользы для бойцов-автоматчиков И. Комарялова и А. Демядова: под руководством техника-интенданта 1-го ранга В. Родионова они научились метко поражать цель.

Там, на фронте, молодые бойцы отнимут у врага немало оружия. Нужно уметь владеть немецким автоматом. На верхнем снимке слева — занятия по изучению трофейного автомата.

На следующих двух снимках: бойцы Всесоюзбу П. Кузнецов и В. Савин на военно-учебном пункте Московского района города Москвы ведут огонь из пулемета; инструктор В. Веролобов объясняет бойцам устройство миномета.

Ни на один день не ослабевает напряженная боевая учеба молодежи. Глубоко в сердце каждого патриота проник сталинский призыв: «...учиться военному делу, учиться настойчиво, изучать в совершенстве свое оружие, стать мастерами своего дела и научиться, таким образом, бить врага наверняка».

Стихи Алексея Лебедева

Одно время в редакцию «Смены» приходили листки, густо исписанные мелким, убористым почерком. Мы узнавали знакомую руку, мы ждали, что в конце почтового листка будет стоять длинная подпись, начинающаяся словами «слушатель военно-морского училища имени Фрунзе...» В стихах юности-юности было много неуклюжего, стремились громко высказаться, вываливались из ритма. Но жили в них та свежесть чувств, то чистосердечное волнение, которые искупали недостатки формы. Душа юноши жаждала ритмных подборок, которые вслепую просторы моря, боевые корабли, «науку грозную сражений на соленой яростной воде...»

Прошло несколько лет, и почта снова приносит нам стихи Алексея Лебедева. Поэтический талант его окреп, ритм стал четким и строгим, мысли шире и глубже. Водна застала Алексея Лебедева в штурмиской рубке. Молодой лейтенант участвовал во многих битвах. Он дрался с той дерзкой отвагой, которая присуща истым морякам-балтийцам. И он отдал свою молодую жизнь родчине.

В груди этого широкоплечего моряка с веселыми лукавыми глазами билось сердце, верное отчеству, в его жилах текла горячая кровь патриота. Мысли и чувства, рожденные отечественной войной, Лебедев хотел запечатлеть в цикле стихов. «Местя за родину» — так собирался он назвать первую главу будущей книги. Поэт не успел воплотить в стихи это обреченное его чувство... Он погиб смертью храбрых, и страницей его мушкетерских, воинственных стихов мы салютуем светлой памяти моряка и поэта.

XLIII-2071

КНИЖКА
ИЗДАНИЕ
В. В. АЛЕКСИ

Ночь на Неве

Когда уснет великий город,
Когда сверкнут прожекторы,
Над Петропавловским собором
За тучей всходит тень Петра.

Идет за Нарские ворота,
Камзол от ветра вновь крылат,
Стучит дубинкой в плиты ДОТ'а
И в дикий камынь баррикад.

Глядит на линии обстрела,
На сотни гаубиц стальных,
И циркуль поверяет делом
Путиловских мастеровых.

Труба подзорная подыята,
Вдали залпа сверкнул, как лед,
И снова Петр гранит Кронштадта
Орлиным оком узнзает.

И шепчет тени: «Добро, злоден,
Добро, немецкое дерьмо,
И ныне немцы или свеи
Россию клонят под ярмо.

Хоть враг силен, сив не будет,
Обломим ваши палаши,
Зело орудия и люди
У ншей силы хорошии.

И вдруг внезапный гул зыбучий —
И то ль прожекторов игра,
То ль чертит пламенем по туче
Клинок стрелительный Петра.

И голос оглашает город,
Гремит над камнем мостовых:
«Генералиссимус Суворов,
В ярд за правнуков твоих!»

Поход на «вест»

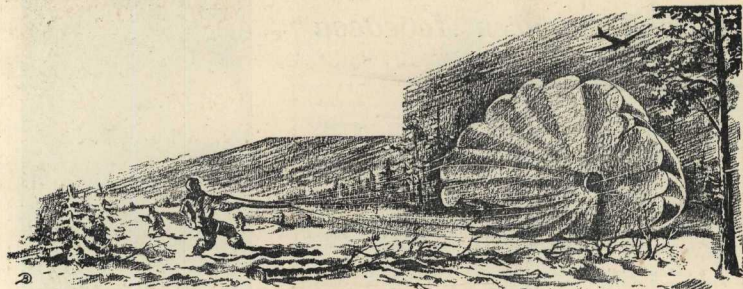
То был рассвет почти неуловимый,
Чуть просветлел синевящий простор,
И тонкий клуб витающего дыма
Замечен был на фоне дальних гор.
То шли враги, хранимые конвоем,
Тяжелые, большие транспорта —
И направила команда перед боом,
Рты оквайлила жесткая черта.
Звала отсюда. Это помнил всякий,
И медленно пополз на цель визир.
На узких флагах дьявольские знаки
Отчетливо увидел командир.
Уже штыки проклятого десанта
На палубах брехали там и тут,
Стволы орудий, тюки провианта —
Все видел он в теневе двух минут.
Команда: «Залп!» — и ринулись торпедаи,
Как стая демонов, исполненных огня

И окрыленных волею победы,
Как молнии в липовой дымке дня.
Скользила стрелка по секундомеру.
Мы слушали, дыханье затена,
И он пришел, пограсший атмосферу
И глубь морей пострасящий грозный взрыв.
Потом я помню взрывы бомб глубинных,
Стремительный уход на глубину.
Мы уходили. Выше были мины,
И киль скользил по илпистому дичу.
А там, в выси, из рук не выпуская,
Дробя в щепу и динце и борта,
Громилла авиация морская
Фашистского десанта транспорта.
Так бьет врагов балтийская порода,
Так гинятся истории скрижалы,
И поглощают яростные веди
Всех тех, кого не истребила сталь.

На отвоеванной земле

Заря над синей бурной влагой,
Эсминца мачты вдалеке,
И тень трещащего флага
Лежит на камне и песке.
Здесь бой кипел, крыша прагралам,
В дыму и огненной пыли
Легли советские снаряды
На берег вражеской земли.
Победа здесь росла и крепла,
Здесь проносились сталь штыков,

Смшались воедино с пеплом
Бетоны взорванных фортгов.
Здесь след, тяжелый и суровый,
Бойцов, испытанных борьбой,
Которых сталинская слсво
Вело в атаку за собой.
И здесь от края и до края,
Некочлабимые в бою,
Прошли мы, трупы попярая,
В бой за Родину свою.

ШЕСТОЙ ПОХОД

(Из рассказов старшего сержанта А. ВИННИЦКОГО)

Из последнего (шестого по счету) похода мы вернулись совсем недавно — 10 марта.

В это задание мы впервые отправлялись на самолетах.

Дело было так.

Однажды вечером подполковник вызывает нас, командиров группы, и начальника всего отряда Группы Герника.

— Так и так... — говорит нам подполковник. — Получено важное задание. Нужно отправиться в глубокий район. Гешком — далеко, километров четыреста. Мы решили дать вам самолеты. Полегче?

Мы, конечно, отвечаем: «Полетим». Если нужно, полетим хотя на Камчатку...

И вот мы пролетаем на аэродром. Оказалось, что в этот день погода нелетная. Нам-то все равно, мы в конце разбираемся по-земному, по-домашнему: ветренно, морозно, дождливо, всякий день. А у летчиков своя наука. И будут тут на земле самая отличная погода, а летчик скажет: нелетная — и ничего с ним не сделаешь, не полетит.

Остались мы ночевать на аэродроме, в общежитии у летчиков. Ну, конечно, всякие разговоры, анекдоты, драмам друг друга: прыгать, мол, может, придется прямо на голову немцам. На другой день с утра принесли парашюты, наделись авиажюмо, еще раз проинструктированы. Прыгать с парашютом — дело несудурное. Главное — когда приземлишься, держать ноги вместе и чуть согнуть их в коленях. Как коснуться земли — вывали на бок, чтобы сблечьать толчок. Но, конечно, надо удерживать парашютом. Если летчик, например, по направлению ветра, это хорошо. А если приближаешься к земле спиной, нужно потянуть за строку и повернуть парашют. В общем землю нужно встречать лицом, по направлению ветра. Вот и вся наука. Парашюты полуавтоматические, самому даже не нужно дергать за строку. Некоторые ребята немаленького дрейфа: их очень часто приходилось мы раньше прыгать с парашютом. «Эх», — говорят — а вдруг что-нибудь случится? А другие их подбадривали. В общем дело не обошлось без смеха. По прыжке сказать, я и сам немного боялся. Не то что дрожало от страха, а так, побивался: я ведь больше привык по земле двигаться, чем по воздуху.

Короче говоря, ночью сели в машины и поехали на залетную площадку. Там специаль-

ные инструкторы вывели нас парашюты, и мы погрузились в корабли. Еле на земле, селовались о месте сбора, о сигналах. Прыгать должны были с высоты 250 метров.

Сидим в самолете. В окошко вижу бортовые огни двух других машин. Гудят моторы. Я сижу рядом с Герником, другие ребята расположены вдоль стен. Дремлют. Всего нас в машине четырнадцать человек. Я не сплю. Немаленько дремывает. Потом смотрю: потемнели бортовые огни на соседней машине «Лгу», думаю: — перелетает линию фронта». Ну, обстрелили нас слегка, я в окошко увидел разрывы, но решил молчать, чтобы ребята зря не волновались. Потом не выдержал, сказал Гернику. А, он мне в ответ:

— Так полагается. На войну детям, не на браддаки.

Обстрел длился недолго. Проскочили благополучно. Немного повода раздается командир: «Десант, приготовиться к прыжку!» Одновременно загудела сирена и услышала сигнальная лампочка. Приехали, значит.

Инструктор пришел фалы от каждого парашюта, как полагается для автоматического раскрытия. Все встали, поили и дарили. Первым прыгнул Тавешкин. За ним прыгнул девушка, Нина Жаровски. За Жаровски прыгнули еще два человека. Подошла очередь Нины Шант. Она стала у самого края и кричит:

— Ой!

Бойтесь прыгать. Я говорю: — Ничего, Нина, прыгай. Все там будем.

А сам стою за Герником и думаю: «Чорт, а ведь и мне сейчас прыгать!»

Нина прыгнула. За ней шагнул наш командир Герник, а потом и я. Фалы целовались — парашют раскрылся.

«Легу и думаю: «Ну, ну, брат Арсанка (меня ребята зовут Аркашовой), же дрифты Неудобно: люди смотрят. И кажется мне, что я не легу вовсе, а повис на одном месте. Неприятно это было. Потом заметил: приближаюсь кусты и деревья. Все ближе, ближе. Телит вода. Ну, значит, скоро земля.»

Удар приземления я почувствовал слабый. Сразу повалился на бок, в снег, парашют пошел, собрал, тут же закопал в снег и отошел от него метров на пять в сторону.

Снег был такой глубокий, что двигаться приходилось с большим трудом. А лопыт ле-

жи — неизвестно где. Инструктор их сбросил поныне нас. Постройбу-ка найди их ночью.

Еще на аэродроме, перед вылетом, мы установились, что собираемся будем по световому сигналу. Командир отряда дал один продолжительный сигнал, а командир отделения один трижды — частые и короткие. Как в коммуналке в квартире... Протали мы с небольшой высоты, так что далеко нас разбросать не могло, по световому сигналу все должны были быстро собраться.

Поглядел я по сторонам. Снег я снег. Ничего больше не видно. Ночь белушная, темная, не разобрать, какая местность. С одной стороны как будто лесок, с другой — поле. Начал сигнализировать своим фонариком (я забыл сказать, что я командир отделения, или, иначе говоря, группы). Сигналы, сигналы — никто мне не отвечает. Минут через пять увидел вглубь дальний осокер. Продолжительный — значит, Герника. Километра полтора до него, не меньше. Почему его туда занесло? Пригали, можно сказать, восте. Двинулся я по направлению к свету. Иду, еле-еле выдерживаю на снегу ноги. Сделал я буквально несколько шагов — (что за диконина!) фонарик вспыхнул метрах в пятидесяти от меня. Ничего не понимаю. Вглядываюсь в темноту, а разобьется, что там стоит и светит, не могу. Я вынул пистолет на всякий случай. Остановился, прислушиваясь. Вдруг слышу голос Герника:

— Давай скорей, Винницкий! Чего ты застыл?

Обрадовался я, побжал вперед, толкнул ноги вбривался под светом. Оказалось, нас развезла бурючир. Из-за него и показало, что до сигнала километра полтора. Ну, мы очень обрадовались друг другу, обнялись, поцеловались...

Вскоре подошли к нам два наших парня. Потом Нина Шант. Ждем, ждем — больше никого. Куда все делались? Ждали этого до утра, а потом решили отойти от этого места. Может, что-нибудь заметят наши сигналы, еще придет втрок.

Ничем в лесу встретили женщин, местных жителей. Они узнали, что мы таежы и собрались, что здесь имеется партизанский отряд. Мы обрадовались. Развлекли партизан. Они-то нам и сказали, что в ближайшей деревне собираются десантники. Немцев там нет. Выпи,

но все вышли. Партизаны проводили нас в деревню, и мы встретились с ребятами.

И вот началась работа. Я понимаю, вам хотелось бы знать, какое мы выполняли задание. К сожалению, пока об этом ничего нельзя сказать. Серьезное задание, важное задание, сложное задание — и все. Можете мне поверить. Но попутно с основным заданием мы вели также и всякую обычную работу. Когда находили в амбарах хлеб, отобранный немцами у крестьян, — раздавали его населению. В некоторых деревнях обнаруживали запасы валенок — их собирали у населения старших, чтобы передать в колхозы. Мы раздавали валенки партизанам. В одной деревне нашли много овчины, собранных немцами. Овчины отжали крестьянам. Ну, конечно, попутно уничтожили живую силу противника, иначе говоря, — немцев и предателей.

Работали мы в итоге вместе с партизанами. Когда дошла до партизан весточка, что в такой-то деревне спускается парашютный десант, со всех концов района съезжались к нам представители разных отрядов.

Мы обдумали положение в районе и решили несколько отрядов объединить в один большой. Подобрались в итоге войско в двести пятьдесят человек. Вундерливая сила. В большинстве своем люди были из числа бойцов и командиров Красной Армии, попавших в окружение и вышедших из него. Народ был умелый, дисциплинированный.

Воружены все были прекрасно. Оружием партизан запасались в лесах. Знаете, сколько оружия в лесах? Идем по тропинке — в кустах стоит пушка. Комарень какой-нибудь — попутем с неперасколованным пятаком — войну на полях оставаясь много всякой техникой. Для нашего своего отряда мы нашли и минометы и мины и накопили достаточное количество автоматов.

Выполнив основное задание, решили мы вместе со своим отрядом продвигаться к линии фронта для соединения с частями Красной Армии, а по дороге, конечно, уничтожать мелкие группы противника, расстреливать постовых немцами старост и командантов, лишать людей вести складную работу на всем пути нашего следования.

Однажды мы прошли за ночь километра тридцать и остановились на отдых в одной деревне. Мы теперь в лесах не прятались. Двести пятьдесят человек — это сила. Войдем в деревню — наша деревня.

Так вот, пришли мы на рассвете, закусили, легли спать.

Через несколько часов я проснулся и пошел проведать своих ребят. Они остановились на другой квартире — выжилок, через улицу. Нурово было убито, как они себя чувствуют, хорошо ли позавтракали. Было часа десять утра. День приятный, морозный, но солнечный. Знаете, такой весенний день среди зимы.

Вышел я из квартиры, вижу: в деревню везежком ступил ять сапег. Против солнца плохо видно, кто там сидит. Я глануц: как будто штатские. Только я повернулся, чтобы перейти улицу, — стрельба! Я осматриваюсь: кто стреляет, откуда, куда? И вдруг пули мимо меня — динь, динь.

Оказывается, на поляхко не штатские, а немцы. Все они закутались в крестьянское платье в чем: один в меховой ушанке, на другом тулуп, третий в башки кофре, и был там какой-то чорт в шухомом платке поперх каски.

Ну, а когда разобрал, в чем дело, быстро бросился к ребятам, подрил их в ружье и сразу повел в обход. Немцы выскочили из сараев, захватили с собой гранаты, вытаски, ружья, пулеметы — за сараи. Мы подождем за домами, они открывают сильный огонь. Их там человек вятнадцать.

Мы залегли, начали стрелять. Потом я решил обязательно взять нескольких немцев живьем. Я поздал команду прекратить огонь, и люди с криком «ура» поднялись в атаку. Свой автомат я оставил на квартире, с собой был только пистолет. С ним я и побежал вперед. Слева — сарай, справа — сарай. Смотрю: за правым пританиско несколько человек. Двое как трое, уже убиты, валяются тут же, а воежак, Я на немцев прямо с ходу, а назад и не смотрю: идуц ребята за мной как нет. Видуц, слышу, сзади кто-то кричит: — Слева немцы!

Глануц я налево, а там человек шесть их сидят за сараем. В какую сторону сначала бросаться? Тут нам сами немцы помогли. Один из них выскочил из-за сарая справа, увидел нас и со страху полез пистолет к носку. Сам себя хотел расстрелять. Я бросился на него и застрелил с залета. Он упал, пистолет вырвался.

В это время над моей головой пролетела

бронешная сзади граната. Может быть, знаете человекца Муханова, журналиста? Это он бросил гранату. Он вышел из окружения и действовал с партизанами в районе своего отряда. Бросил Муханов гранату и кричит: — Архана, осторожнее, граната!

Вот спасибо! Я как бежал, так весь скрючился, согнулся. Дышался осколки по воздуху. Я тогда и не подумал, что стелет с теми немцами, которые сидели за этим сараем, а сразу повернул в левую сторону.

Подлетели мы к немцам, они винтовки на нас. Я в упор расстрелял одного. Пули три вонзили. Отпавшие изувались, подобрали оружие, подняли ружья вверх.

Пленных повели в штаб. Обскакали их, взяли оружие. Я у одного вытаскил из кармана мильонный «бульдог». Вот такой крошечный! Сплавивший.

— Да где такой маленький?

Сюдаж дрожит от страха и отвечает:

— Кур, кур, стрелять...

И показывает пальцами: шек, шек. И зря народ их прозвал куродами.

Офицер был с ними. У него нашлось много фотографий. Жутко смотреть. На одной: а сержант в обморок встает немецкие войска; влода убитый — динь, динь, пустыми глазами вглядывают, развалины; кирочки завалили в одном месте тротуар. Забрали у этого офицера документы, фотоаппарат, а в сапях нашлось много лука, чеснока, какао. И у всех являлись алюминиевые значки: череп и две кости.

Из допроса выяснилось, что эти немцы — пятнадцать человек — разведка карательного отряда, посланного для преследования десантников, то есть нас, собственно говоря. Что ж, они выполняли приказ. Правда, собранные сведения ни не пришло доложить начальству, но уж это не их вина. Верно?

На это можно раскозак закончить. Не торопись, действуя по дороге, как подается, мы грозили шесть районов.

Население повсюду принимало нас пресовождо. Одна старуха, пономю, принесла нам хлеба, противника, выжилок.

— Скорее все превозжайте, дети. А то немцы наедот нам очень. Грабят они все...

И это тоже было очень приятно, потому что каждый из нас видел своими глазами, прямо на практике, за что он борется, проливает кровь. Да, прорвался в деревню, в которой до тебя из было не одного десятка, и чувствуешь себя как бы освобожденным или, вояском случае, первой ласточкой приближающегося освобождения. Я повняю тех ребят, бойцов из пленных частей, которые рассказывают, что когда, выбив из очередной деревни немцев, они вырываются на улицу, то сами вместе с встреченным населением плачут от радости. Можно это понять.

Переходит линию фронта на этот раз было очень трудно. Вышли мы в час дня, а только в пять утра на следующий день добрались до наших передовых секретов. Попали мы в район сильных боев. Пришлось сделать обход километра в пятьдесят. Чуть не застряли у магистраль, везло кончи и стелет копей немецкие части, машины, танки, артиллерия. Едва удалось улизнуть нам момент и прокочить шоссе. Мы шли на лыжах, в маскхлаках, отбитых у немцев. Это нас спасало. Как только проскочили последние товарищи, на шоссе появились два танка и четыре автомашины. Немцы, видно, заметили что-то неладное, начали стрелять. Я сам тут один, у сзади магистраль, метрах в пяти, самое безопасное. Но они не нацелили нас. Поляк-ка отбили в темноте людей, на которых маскхровичные халаты.

Так закончился мой последний исход в тыл противника. Вернулся мы к себе домой и смотрю: что за чудот? Почти все ребята из группы подполковника с ордена на груди. Очень мы обрадовались за них, бросились поздравлять, а они смеются и нас поздравляют. Оказывается, я им тоже награжден. Что было, — сказать трудно. Да это, впрочем, всем понятно...

Записка А. ПИСЬМЕННЫЙ

ЭТО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ!

(Открытое письмо московской студентки Галины Гольц своей подруге Лиде)

Дорогая моя, я приняла решение с тобой и горем и радостью, рассказать обо всем, что переполняет душу. Вот и сейчас мне хочется поговорить с тобой. Ты, наверно, знаешь, что недавно в Москве открылась выставка «В записку детям от фашистского варварства». Я была там. Я видела все... Это трудно забыть...

Вначале мне казалось, что я верилась альбом с знакомыми картинками зашлого детства. Между деревьями висят трюхи, по ней бежит крылатая, загорелые ребята, звучит веселый шпозерский горн... Помнишь, с каким нетерпением мы ждали лета, открытия лагерей, как славно отдавали мы охапки на берегу моря? Про Позовку не забыла? И какие чудеса вернулись мы оттуда домой!

Ты прости, что я отделила от основного, но оно связано с тем, что я хочу рассказать тебе.

Итак, описываю первые стены выставки. Словно здесь зашито много милых детских лиц! И какие крепкие, здоровые эти ребятки! Много фотографий школьной детворы: ребята склонились над книгами, загорают на пляже, плывут в лодках по морю, плещут... А вот еще снимок. В белорусской крохатке спит ребенок. Как спокоен его сон! Он даже чему-то слегка улыбается. Но что это? Черная птица с фашистской свастикой пролетает над домом, где безмятежно спит малыш. И хотя я зле очень тихо, мне кажется, что и слышу протяжный свист бомбы, вижу, как рушится дом, где спит малыш, как вздымаются к небу языки пламени... Смерть и разрушение принесла злодейская черная птица. Это было в ночь на 22 июня...

Неожиданно доносится чья-то всхлипающая. Оборачиваясь. Пожилая женщина торопливо вытирает слезы. Я незлобно проследила за ее

взглядом и взорвалась: измученные, изуродованные дети смотрели на меня с фотографии. Один из них был тяжело ранен, другие изувечены, третьи мертвы — стеклянные глаза смотрели прямо в душу. А рядом с этими снимками небольшой текст. Я читаю этот гнусный документ и чувствую, как руки сжимаются в кулаки. Вот чему учат фашисты своих солдат:

«У тебя нет сердца и верхов. На войне они неуязвимы. Уничтожай в себе жалость и сострадание. Убивай всякого русского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай!»

А вот еще строки из дневника зверя, который, глядя в око, скучая, наивсал нетерпеливые строчки: «Если бы нам сейчас разрешили убивать, — кровь так и брызгала бы...» И ему разрешили. Он убивал, грабил, жег, а после сам издох хуже всякой собаки. В скрипящих лаялах этого убийцы и громком нацистском дневнике, в расказе детстве ботаника, палача, женское платье.

И когда глядишь на эти экспонаты, изобличающие детоубийц и гримас, сердце переполняет жгучая ненависть к зверям, которые по ошибке имеют человеческий облик. Нельзя спокойно жить на земле, пока ходит по ней коричневые чудовища!

Помнишь, как любил мы по выходным дням на явном тихом зеленом Ташираде догонять на шумные улыбки красавца Ростова? Прямо с вокзала бежали мы к театру, а потом бродили по городу, шли к Дому. Однажды мы долго стояли на берегу реки. Стая голубей, как легкое облачко, провисала над нами. Из калитки выбежал мальчик, протянул голубям руки, стал сжимать их. Голуби опустались ниже. Они садялись мальчику на плечи, брали из его рук корм. Потом и нам за-

хотелось покормить птиц. Мальчик заметил это, он подождал нас и протянул горсть зерен. При этом у него была такая хорошая улыбка... Ты спросила, как его зовут. «Витя», — ответил он просто и опять улыбнулся. Помнишь, тебе очень хотелось тогда зарисовать мальчика. Он был действительно очень живописен. Так и просиял на карандаш его осветленная улыбка, чуть склоненная набок голова, приподнятое левое плечо, на котором сидел голубь. Ты быстро набросала рисунок. Наверно, он и сейчас хранится у тебя. Если можешь, пришли мне рисунок. Мне он нужен... Я должна слить черту лица... Впрочем, быть может, я ошибаюсь, но от этого несколько не легче. Представь себе скончившееся тело мертвого мальчика с мертвым голубем в руке. Кровь мальчика обрызгала перья голубя. Кровь потной птицы тошмой струйкой пролилась на одежду ребенка. Это фотоколлаж. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что это тот самый Витя... Зверь-фашисты расстреляли его за то, что он отказался дать им своих голубей...

Но разве один Витя стал жертвой немецких оккупантов? Их сотня, тысячи, этих искалеченных, изуродованных фашистами малышей. Невольно приходит на память бессмертная строка Владимира Ильича Ленина: «Дети — цветы жизни». Да, дети — это лучшее, что украшает и облагораживает жизнь. И вот грязные немецкие солдаты топчут эти прекрасные цветы!

Слушай еще один потрясающий факт. Это было в Керчи. Оккупанты приказали родителям отправить детей в школу. Ранним утром 245 ребят, получивших приказ, с книгами и тетрачками направлялись в школу. Домой они не вернулись. Когда немцы изгнали из Керчи, то в глубоком впау у шоссе нашли трупы 245 убитых детей...

«Лаконичная, красочная подпись под фото: «Мать». Она стоит среди трупов. Кого эта несчастная ищет среди обреченных? Трудно оторвать взгляд от ее рук, простерших в безысходном горе... Как много говорят эти руки, наполненные страданием глаза, вся скорбная фигура женщины!»

Невероятно больно смотреть на все ужасы, которые творят фашистские изуверы. На снимке мальчик с хорошим, открытым лицом и ясными глазами. У этого мальчика нет правой руки. Вместо кисти кулакшва. Как горестная повесть, как прыжок к мшисто звучит короткая заметка:

«В деревне Новинка Московской области, жил мальчик Ваня Громоу, пятнадцатилетний. Он умел мастерски гнуть лыжи, учился слесарному делу, его прозвали «Ваня — золотые руки». В январе немцы зашли в деревню. Ваню допрашивали, кто ушел в партизаны. Ваня молчал. Тогда немцы отпалдили мальчику руку. У «Вани — золотые руки» нет больше руки. Он говорит: «Руку немцы отрезали».

У этого ребенка долго стояла одна из рабочих детских больницы имени Руссково. В этой больнице лечатся сейчас дети, пострадавшие от немецких захватчиков. Так вот женщина рассказывала, что многие из ребят, которых привозят в больницу, изуродованы до такой степени, что трудно установить, сколько им лет... Малыши часто бредят во сне, стонут, просят не мучить, безутешно рыдают, вспоминая погибших отцов и матерей. «Посмотрите», — говорит санитарка — «прошлый ребенок, а уж сколько переждал, как злобно научилось ненавидеть фашистов маленькое истерзанное сердечко».

Нет, они не будут расти сиротами, эти ребята, у которых фашизм отнял детство, теплую материнскую ласку. Здесь, на выставке, показана и новая жизнь детей, выловленных из фашистского ада. Вот снимок работница «Красного богатства», удочеривших малюток, вот фотографии, рисующие быт нового детского дома, созданного молодежью Гусинского района, Московской области: игрушки-комомолы играют с малышами, дежурят в их спальнях, поют колыбельные песни...

Надо ковать железо, а я чувствую, что не рассказала еще и десятой доли того, что узнала на выставке. Но обо всем ведь не рассказать...

Книга впечатлений. Я видела, с каким волнением люди записывали свои впечатления, как гневно ходило по бумаге перо... «Я много видел замученных, изуродованных нагих советских людей. Передо мной вновь воскресают картины зверства в оккупированных районах. Дети — самые беззащитные существа — гибнут от рук фашистских банделтов. Никогда советский народ не простит этого. Враги будут стерты с лица земли» — так написала Герой Советского Союза партизан Илья Кузин.

На другой странице я прочла письмо младшего полнотрука Колешникова: «На Украине у меня остались жена, отец, мать, родственники. Что с ними, не знаю. Знаю одно: армия, в которой служил я в мои три года, победит! Проклятые, проклятые вам, немцы: звери! Родной Сталин, веди нас в бой! Нас ждут заповь города наши дети, старика».

Как ясно видны в этих записках благодарное, смелое сердце советского человека, его готовность бесстрашно уничтожать любого врага, жизни своей не щадить ради этой священной цели!

Тут же, на выставке, я прочла подлинное письмо некоей Frau Траудель семье мучимому фашистскому юнкеру. Составил подробный список вещей, которые должен забрать муж, эта кровоядная волчица замечает: «Ничего, если они всплаканы или в крови, их можно выстирать. Трудно передать, какое сморзание вызывает это странное своей циничной открытостью письмо. Надо видеть эту выставку, тогда многое, о чем я пишу сейчас мельком, раскроется во всей своей глубине».

Я ушла отсюда с высоко поднятой головой. Нет, никогда не бывала там, что хмыкала кровавый-ис Гитлер! Дадим же клятву друг другу метить подлому врагу, метить за кровью невинных детей, за руины домов, за страдания матерей!.

В Москве есть детская больница имени Руссково. Она существует 65 лет. Но за всю свою долготелую историю она ни разу не

... У этих ребятшек открывалась впервые длинная и светлая дорога жизни. Фашистские солдаты убьют, растерзали ребятшек — и вот они лежат в гробу. Никогда наш народ не простит пиллерцам этих чудовищных злодеяний!

...Вяля Черевичный играл со своими голубями. Немецкие солдаты хотели отнять их. Вяля не хотел расставаться с птицами. Тогда немцы его расстреляли.

Вяля Банширова не может ходить: у нее обморожены ноги. Немцы ворвались ночью в хату, где жила Вяля со своей матерью, и выгнали обив в лютый мороз на улицу. Много уже прошло дней с той памятной ночи, когда Вяля отморозила себе ноги, но

видела в своих палатах раненых ребят... Сейчас здесь лежат ребята, которых изувечила фашистская пуля, граната, бомба... Вот перед нами больничный листок. Лаконичным языком излагает он историю болезни трагического мальчика Коля Кулакова (на снимке: ребенка осматривают еланный врач В. Кружков и ординатор хирургического отделения А. Кузнецов). В этом мальчике стрелкой фашистские мерзавцы У него обморожены еланными осколочными ранениями головы и открытый пролом черепа».

глядя девочки до сих пор полны болью, недетской печали...

ИЗ ФРОНТОВЫХ РАССКАЗОВ

НЕВИДИМКА

«Невидимка», «Загадочный человек» — называйте его, как хотите, но старший лейтенант Золотенко и его приключения — живая легенда наших дней. Вот что с ним недавно случилось...

В сумерках по степи закружила вьюга. Земля и небо скрылись в снежном вихре из виду, когда старший лейтенант Золотенко, закутанный в белый плащ, проскользнул за линию фронта.

Ескоре он добрался до села Д., остановившись у самой большой хаты и притаился у занесенной снегом бревенчатой стены.

Малы кто в хату зашел, зачем Золотенко ушел с занятых немцами село, да и он сам не представлял, что придется совершить в эту ночь.

На улице было тихо. Сквозь свист ветра слышался хруст снега. К хате, где раньше помещался сельсовет, медленно сходился народ. Люди шли угромо, опустили головы, и никто не разговаривал друг с другом.

Ночь выдалась темной. Застыв у стены, стоял Золотенко. Снег падал на его голову и плечи, у ног наметло сугроб.

Что же все-таки привело Золотенкова в это село?

Накануне утром разведчики доложили ему, что в селе Д. вывешен приказ: все без исключения жители с наступлением темноты должны собраться в помещении бывшего сельсовета; представители немецких вооруженных сил и староста сообщат населению о новых распоряжениях германского командования.

— Насколько я понимаю, — заметил тогда Золотенко, — на «собрании» будут присутствовать немецкие офицеры. Превосходно! После официальной части, как полагают, мы им устроим концерт.

Вьюга помогла старшему лейтенанту незаметно пробраться в село, и вот он стоит, притаившись у хаты, и ждет...

Но немецкие офицеры не пришли на «собрание». С разочарованием об этом узнал Золотенков у старика, зашедшего покурить на крыльцо.

— Староста держит речь, — мрачно сказал старик — тоши и горло слушать. А кто вы, собственно, будете? — вдруг заинтересовался он. — Откуда?

Ничего не ответив, Золотенков вошел в сени и стал у порога. Хата была переобита. Вперед, за столом, стоял староста, немолодой уже человек с добротым черном тулупом, и строго что-то объяснял сельякам. Староста надел очки и стал медленно и внушительно читать переведенный на украинский язык немецкий приказ:

— «За укрытие теплых вещей крестьяне будут беспощадно караться. Тот, кто не скроет теплых вещей, будет предан казни».

— Разрешите слово, — внезапно радвался насмешливым голос, и Золотенков, пробравшись сквозь толпу, направился к столу. — Внимание! — объявил Золотенков. — Сейчас будет говорить представитель Красной Армии, старший лейтенант Золотенков.

В хате поднялся шум. Изумленные колхозники повставали со скамеек. Золотенков незамедлительно продолжал:

— Садитесь, товарищи. Сейчас я вам сделаю информацию о речи нашего воеводы товарища Сталина, а затем передам последние известия о победах Красной Армии.

Невозможно описать волнение и радость, охватившие людей. Представте себе омерзительного от страха старосту, который с ужасом ожидал, что будет дальше! Спокойно, подробно и сосредоточенно Золотенков изложил содержание доклада товарища Сталина, сообщил последние весте с фронта, а потом, воспроизведя с народом, крепко ввязав дрожавшего от испуга старосту за руку а повел его с собой в ночную тулуп.

Труп старосты сельяки нашли на другой день за селом, в пустынной степи.

Случай этот рассказали нам колхозники, когда Красная Армия вступила в село. Произошло это через пять дней после памятного «собрания», и жители до сих пор рассказывают на дорогах красноармейцев о старшем лейтенанте Золотенкове.

Рисунок Г. Балаشوва.

История «весеель Ганса» мы узнали во время боя в частях командира Лагутина.

...Давно закончился бой. Весь немецкий гарнизон был уничтожен, и в селе С. наступила непривычная тишина. Размысливая ведро, боец Никитенко заскочил в пустую, заброшенную хату. Ведро он не нашел и хотел уже уйти, как вдруг услышал странный шорох на печи. Сначала Никитенко подумал, что это воюет мышь. Шорох на печи повторился. На всякий случай Никитенко решил посмотреть и стал вглядываться в темноту. Он глазами своего не поверил, когда увидел на печи совершенно голого человека. В полумраке смутно замечалось серое тело, толстый голый человек заковылял вперед, прошепав по облаточку животу, проброботал что-то по-немецки и угодливо рассмеелся.

Удивленный боец приказал пленнику сойти с печи. Голый немец зорко шлепнулся на пол, снова рассмеелся и знаком объяснил, что в печи сгорело все его обмундирование. Он, дескать, хотел сделать вышив кану, а печка сделала кану его одежде, и вот он стоит в чьм тате родла.

Никитенко задумался: что делать, как отвести в часть голого пленного? На улице свирепый мороз.

Пока Никитенко раздумывал, немец собрал по углам тринь, надулман на себя старое одеяло, клеенку, обернул ноги мешками, косяк прикрыл свое тело, вытянулся и браво отдал честь, показывая, что он готов идти куда угодно.

Долго смеялись бойцы, когда Никитенко привел пленника, укутанного в одеяло, с мешками и клеенкой. Но смеяться не смеялись же тоже трясся от смеха, стои среди бойцов. Он шелкал пальцами, толгал ногом, изображая, как мерзнет немец в России, ложился на пол и уморительно плакал: «Ганс ка-пути».

Командир приказал Никитенко отвести пленного в штаб, и Ганс остался ночевать в жарко топленной хате вместе с бойцами.

Проснувшись «весеель Ганс» раньше всех. На дворе еще было темно, Никитенко заметил, как Ганс вышел из хаты, и поспешил за ним. Увидев Никитенко, Ганс фамильярно крикнул: «Рус — гут!» — съхватил охапку соломы, внес в хату и быстро растопил печь. Он громко заел песню, и проснувшиеся бойцы удивленно наблюдали за веселым немцем. Ганс часто вывел венком пол, оставив кинуть чаш. Он все время пел, приплясывая, и его ужимки вызвали у всех хохот.

В десять часов утра Никитенко должен был отвести Ганса в штаб. Пришло время отправляться в дорогу. Ганс прижал руки к сердцу, поклонился, поблагодаря всех «русских госносов», торжественно отдал честь и зашагал, сопровождаемый своим конником.

В штабе на допросе, по свидетельству самих же немецких пленников, служивших в одной части, было установлено, что младший ефрейтор Ганс Кунлихер, находясь со своей частью в селе С., самолучно расстрелял отдал председателя сельсовета, 63-летнего старика Анисимова, и убил ударом приклада старуху — его жену. Без приказа, по личному желанию, он вылезал повесить своими руками сельскую учительницу Буланову. С двумя солдатами он расстрелял в сарае всеосемидцать пленных красноармейцев, а перед расстрелом долго издевался над замученными людьми. Он бил их ногами по лицу, выворачивал и ломал руки...

И это далеко не полный перечень «ратных подвигов» младшего ефрейтора Ганса Кунлихера, побывающего голым на печи. Это — только то, что было в селе С., то, в чем признался удачливый своим же солдатам «весеель Ганс».

Балтийский Орленок

Ночь на Хорене прошла тяжело. Финские батареи вели беспощадный огонь по залу и во всем западной островам. В отряде все уже знали, что произошло на Эльмхольме, и ждали, когда Грания прикажет идти на помощь закрепившимся на южной оконечности острова шестьюм бойцам.

Алексей Гриденко в ожидании дала беспощадно сложился возле командного пункта. Команды и полноту вышли от Грания на рассвете. Гриденко тихо пошел за ними.

— Товарищ Гончаренко, — робко окликнул он полноту, — войдем.

— Не терпится, — сухо сказал полноту. — Вот возьмем и оставим в резерве...

Гриденко забежал в блиндаж за своим карабином и шестеркой вязаной шапкой, которую во время операции он надевал под бескозырку. Он решил быть готовым и в полном вооружении расположился на камнях возле клопирки взвода, где собрался уже все краснофлотцы.

Команды отделений тихо спорили между собой: кого же лейтенант Фетисов решит оставить в резерве?

— В-вот увидите, — заикнулся, говорил Иван Петрович Щербановский, добровольно из запяски, носивший такую же густую черную бородку, как капитан Грания, — дело решит мое отделение. К-капитан Грания так и сказал: «И-поручить Ивану Щербановскому» — и краснкой.

— Брось травить, Иван Петрович, — насмешливо возразил командир другого отделения Борис Бархатов, краснофлотец с умными озорными глазами. — Капитан этого не говорил, и одно отделение в таком деле все равно не решит.

— Смотря к-какое отделение, — настаивал Щербановский. — От-деление Щ-щербановского роты или в резерве? У-меня один только Гриденко в-весь вас за позз заткнет.

Гриденко в спор не вмешивался, размышляя над угрозою полноту: неужто и впрямь его оставят в резерве?

Связной привнес от Грания приказание выступать. Фетисов распределил бойцов взвода на три группы: одна — с командиром, туда входило и отделение Бориса Бархатова, другая — с полнотуком Щербановским назначался в резерв.

— Шарм, — бравро провозгласил Щербановский, — Щ-щербановский остается для особого зада-

ния. Сынку! — кликнул он худенького краснофлотца Забаного, своего «адъютанта», только следовавшего за командиром. — За мной! — и также ушелся в клопирку.

Гриденко некто тоже пошел за командиром, но его остановил полноту:

— Походите со мной.

На Эльмхольм прибыли вовремя: из шестерых бойцов, защищавших скалу, в живых остались только двое. Финны уже смело вымощивались а лощину, собравшись, видимо, захватить и южную оконечность острова. Краснофлотцы тут же заняли верхок от берега до берега — и лощина вновь стала непроходимой. За скалу, вперед, впрямь Борис Бархатов со своим отделением.

Гриденко лежал на граните близости от полнотука.

Грания приказал краснофлотцам отстывать этот кусочек острова до вечера, чтобы отсюда, когда стемнеет, развить наступление. За день капитан рассчитывал накопить на сиде силы, постепенно подбрасывая их катерами и шлюпками.

В полдень к Эльмхольму подошел катер с новой группой краснофлотцев. Он благополучно проскочил огневую завесу, но почему-то свернул влево несколько правее, рассчитывая пристать к берегу там, где находилась вражеская засада.

Лейтенант Фетисов пытался предупредить краснофлотцев об опасности. Лишенный возможности подняться во весь рост: над скалой все время свистели пули, — Анатолий Фетисов лежал кричал, что было мочи:

— Левее, возмите, левее! Там засада!

На катере не слышали Фетисова и шли прежним курсом. Перерывать шум моря не переставая было немыслимо.

Тогда он вскопал во весь рост: по флотскому обычаю просемафорил руками, объясняя, где нужно пристать.

— Ясно видим, — ответили с катера и повесили к тому месту, где стоял Фетисов.

Командир радостно улыбнулся. И тут же устал.

Когда полноту подошла к командирку, тот уже не дышал. Одна рука была откинута, та рука, которой он подавал сигналы. Другая — судорожно зажимала рану. Лицо еще улыбалось.

— Слушай мое команду! — крикнул по-

литрук. — За командира оставь я. Заместителем назначаю Бориса Бархатова.

Связь с Хорсеном оборвалась. Финны подтягивали к лощине силы для атаки. Надо было во что бы то ни стало информировать капитана Грания об обстановке.

— Гриденко, ко мне! — тихо передал полноту.

— Я здесь! — откликнулся Гриденко, подтягиваясь ближе к Греченко.

— Плавать умеете?
— Да.
— Хорошо?
— Так я ж с торпедных катеров.
— Нырнете?
— С детства.
— Прочтение опасное, — могут убить.

— Вы же меня знаете, товарищ полноту, — кичливо глаза хлопнул Греченко от обиды. Гончаренко знал, что этот молодой и горячий краснофлотец не пропустит еще ни одной смелой операции, каждый раз устранив в десантный отряд всеми правдами и неправдами.

— Волна большая, утните. Надо плыть до Хорсена и сообщить капитану Гранию обстановку. Видите, как стреляют по залу?

Гриденко уже расстегивал бушлат и раздевался.

— Снимите телншник, — сказал полноту. — Лишняя нагрузка в воде.

Гриденко сложил всю одежду воле телефлота ангарага на скале. Из бушлата достал он комсомольский билет, вручил его полноту и направился к залу.

— Погоди, — голос Гончаренко от волнения охрип, — Поля сила.

Гриденко обступился.

Полноту пригнул его к себе, обнял, расцеловал крепко и — махнул рукой.

Юноша быстро опустился к воде. Волна за волной несли на берег воблону пену и мелкую, хлесткую гальку. В залуке возмалась ирардка столбы смерж, брошенные к лебу гремячи ударами снарядов.

Гриденко метнул вперед быстрый взгляд и прыгнул в воду.

Финны заметили его, когда он лопнул до глубины и поплыл. Затрещали сдвигание на деревьях финские автоматчики. Но Гриденко ничего не слышал. Он плыл, чувствуя, что по нему стреляют и за ним следят и свои и чужие.

С Эльмхольма краснофлотцы и полноту следили за пловцом. Борис Бархатов не мог видеть его со своей позиции, из лощины. Но, узнав об уходе Гриденко, он распространил усиленно обстрел деревьев на финской части острова. Отделение Бархатова проявляло огневой сточкой дерева сверху донизу, стесняя действия финских стрелков.

Гриденко отплывал все дальше и дальше. Лишь только он почувствовал, что за ним охотятся, он нырнул и долго не показывался на

поверхности. Финны перенесли огонь вперед, но плавец вынырнул еще дальше.

— Орланок,— проронял политурук,— настоящий батальонский оранок.

Сильный накат и частые разрывы над задним мешалки политурука следовали за пловцом. Редко мешалка на гребнях волн все удаляющаяся голова краснофлотца, и чем ближе подплывал он к Старкеру, тем труднее было его отыскать.

— Сиваш,— обратился политурук к сидевшему возле безмолвного телефона краснофлотцу,— зайде блинскя.

В блинскя политурук снова отыскал Гриденко.

Гриденко вынырнул у отвесной скалы Старкера и протянул вверх руку, стать на ноги здесь нельзя было слишком глубоко. Ухватиться не за что. Рука скользнула по гладкому, покрытому слизью граниту.

Гриденко вспомнил, что немного левее в этой скале дождица бить трещина; недели две назад он пролезал на Старкере восемнадцать часов без пищи и воды, скрываясь от высидившихся на остров финнов, и тогда излучил скалу на зубок. Он собрал последние силы, отплыл в сторону и отыскал трещину в граните. На руках он кое-как поднялся и вскарабкался на скалу. Тут силы его оставили— он упал.

Середина политурука, убагаданного за краснофлотцем в блинскя, дрогнуло: «Убит, Погиб Гриденко!»

Гриденко нескладно всколыхнул и побоялся через Старкери к противоположному берегу.

Четыреста метров самого тяжелого пути были пройдены. Старкери от Хорсена отделил узкий пролив, перепад воды которого был таким пустяком: сюда не залетали пули и мины.

На берег Хорсена Гриденко вылез уже обессиленный и, шатаясь, пошел по тропинке вперед мимо сапачета. У сапачета его окружили товарищи из оставшегося в резерве отделения Шербановского. Они с удалением рассматривали полуголого краснофлотца, распахивая, что произошло.

Но Гриденко лишь на минуту присел, перевел дух и, не отвечая на вопросы товарищей, побрел к командному пункту.

Перед Гранями предстал высокий, посаженный от холода юноша в одних трусах с ирландскими на острях камнях носами.

Капитан вытаскил из-под койки сумочки, достал брюки, телешку и ботинок.

— Налей,— позвал он все это краснофлотцу.— Ну, живо, не лмайся! Да вот вый еще порнью.

Капитан вынул из своей фляги в «порционный стакачик» спирту. Гриденко оделся, выпил, и ему стало сразу тепло.

Когда краснофлотец рассказывал капитану о положении на Эльмкольме, Гранни послал за Старкером сигнальщика, чтобы тот проемафорный Гонгаренко приказ держаться до вечера во что бы то ни стало.

— Пинаворо,— позвал Гранни начальника штаба.— Направь на Эльмкольм телефониста на резиновой шлюпке, пусть восстановит связь. Подбери там похорabee кого-нибудь, чтобы дозвуч.

Гриденко вышел из капошра командного пункта. Кружилась голова. Он пошел за скалу в ближайший вывоз, и лег спать.

Он проснулся, когда в заблугу не выдал уже свет. Кто-то ковылял рядом в темноте.

— Товарищ командир, вы куда?— спросил эш Шербановского, забывающего патронный диск от автомата.

— Ос-собое задание,— ответил командир отделения.— Не зря я-капитан держал нас в резерве. Пойдем на Эльмкольм с тыла.

— Что же вы меня не будите?!— Гриденко всколыхнул с койки.

— Лежи, лежи. Тебя капитан и-приваал не брать. Пусть, говорит, отдыхает.

Гриденко выскочил из балабуда и побоялся к командному пункту.

Несколько времени спустя и встретил Алексея Гриденко на Утвом мису.

Гриденко шел мне навстрочу, чуть прихрамывая, опираясь на толстую суковатую палку.

После эльмкольмской операции он успел побывать в новом бою и поддеть шальную ногу.

— Вы были на Хорсене?— вопрошалось Гриденко.— Ну, как там, куда не собралось? Про операцию на Подваладет ничего не слышали?

Я успел его, сказав, что на Хорсене, кроме небольших разведательных вылазок, в данный момент ничего не происходит.

— Сигу тут на силках,— кисло промолвил Гриденко.— Воротое время проходите, кому там все прозвезать.

На другой день и поехал на востоке побережья, откуда предположительно вылазка группы разведчиков на финские острова.

За день здесь перебыло много народу. Промелькнул и Гриденко со своей палочкой. Я хотел его остановить, но он скрылся в каком-то блинскя.

— Разве Гриденко тоже идет?— спросил и командир части капитан Кудришев.

— Нет. Он в госпитале, ранен.

Я промолчал.

Издали темнело, катеры вышли на остров Хельс-Боссе, откуда решено было начинать операцию.

В слабо освещенной сводчатой комнате старинного подполья отыскался группа Шербановского.

В ожидании сигнала все лежало на койках, одетые в походное обмундирование в вооруженных автоматами. Сильно тихо, некоторые тихо разговаривали между собой. На одной из стоек у стены висели дачники в похлуду, лежал какой-то краснофлотец, видимо, слившийся уснуть.

В комнату вошел капитан Кудришев, проверяя состояние бойцов перед выходом. Он шел от койки к койке и останавливался вдумчиво.

— Товарищ Филиппов, как вы сюда попали?— худощавый молодой интендант с черной бородой, обрамляющей бледное лицо, похлудился с койки и выткнулся перед командиром.

— Так я же сменился с дежурства,— лепетал он.— Я же давно вас пролил, товарищ капитан, вы же обещали послать меня в операцию.

— Обещать— обещал, не спорю, но сегодня кто разрешит вам отправиться?— Кудришев разговаривал с начпродом своей части сержантом и стрелком, хотя и чувствовал досаду, что под его командованием находится такие храбрые люди.

— Так вы уж разрешите, товарищ капитан,— умолял Филиппов.

— Хорошо,— соглашался Кудришев,— сходите в операцию, только отсидите на гаунтачке трое суток за нарушение дисциплины.

Все рассмелось.

Филиппов стоял ни жив, ни мертв.

— А автомата есть?— смичгла том Кудришев.

— Есть, товарищ капитан,— Филиппов схватил с койки ППШ и протянул командир.

— Вот гусар,— повелевал Кудришев,— даже автомат раздобыл. Ай да ващир! Надо пойти вогнаться, нет ли там у Егорова зайца.

Капитан открыл дверь в соседнюю комнату и в пороге крикнул.

— А ну, войско, собирайтесь, кто тут айван. Никто не откликнулся.

Капитан покачал головой и ушел.

— Шары!— провозгласил Шербановский.— Орланок, ивоньш перевернуть фотোগрафию.

Я поспешил к кому это он обращается. Краснофлотец, углубившись лицом в подушку, перевернулся на спину и сел на постель, весело улыбаясь.

— Ну, аваш,— сказал Шербановский,— г-говорю спасибо Ивану Петровичу. Иван Шербановский обошел весь мир, исклочая Ал-Планино и К-китой. По всем морям плавал, на всех судах. Сам м-малаяй губернатор остался в д-дурках перед Иваном Шербановским.

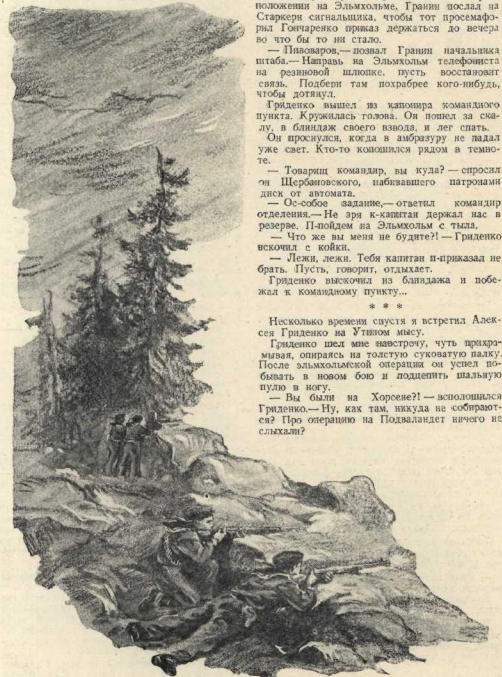
В комнате никто уже не спал. Краснофлотцы, вместе с Шербановским прибывшие с Хорсена, с удивлением слушали, как задоро «статья» их бесстрашный командир, и гордо осматривали на всех остальных, даже не принимавших к бурному ирвану Ивана Петровича. Гриденко сидел на койке и попрежму улыбался.

Я подошел к нему:

— А палочка?

— Вот,— сказал Гриденко, потирая шарбаним,— отличная палочка.

И увидел вслед за всеми на берег.

Воспоминания

Командира артиллерийского дивизиона полковника Ивана Бордога тяжело ранено. Полковник вымахнул руками, точно хотел за что-то удивиться, удивленно посмотрел на окружающих его командиров и упал.

— Врвца, скорее врвчав!— крикнул кто-то.
Полковник был без памяти. Через несколько минут он открыл глаза, посмотрел на артиллеристов:

— Ранены... чувствуе, тяжело. Вот и конец пришел. Товарищи, не узнавайте... Нашинте сонце... У меня сме... артиллеристы... Ах, как жарко! Воды, воды мне! Темно, вечер, майор Семенов,— позвал полковник,— командуйте дивизионом вы. Первой батарее быть по шоссе, сбить немцев с шоссе... Огонь! Бегим! Шпрангель! Так быт!

— Почему вторая батарея замолчала? Назвал, задний песню... неселую... Шпрангель!

Артиллеристы, окружившие полковника, посмотрели в сторону, где лежал осколок второй батареи. Трот в порохом земле.

— Командиры, к орудиам!— шептал в брелу полковник.

Пришел врач. Он осмотрел полковника, перевязал ему рану и, поковыряв на ноге, покачал головой.

— Ранение тяжелое... в области живота... разрывная пуля. Надежда? Почти никакой.— врач слезал наизу и отнес глзла от командиров.— Рана только незначительная операция. И через час, не позднее. Иначе— смерть.

Полевой госпиталь, где был хирург, находился в нескольких километрах. К нему везли два пути: по топкому болоту и по шоссе, которым двигалась немецкая колонна.

— Полковника на носилки! Пронести в госпиталь по болоту!— приказал майор.
— Товарищ майор! По болоту они пройдут два часа. Поздно будет— сказал шофер командира, Василий Одол: он слышал слова врача.

— Иного выхода нет. Надо спасти жизнь командиру.
— Будет поздно! До госпиталя не донесем...— со слезами на глазах говорил Одол.

Для рослых красноармейцев полковника полковника на носилки и понесли. Впереди шел Василий Одол, выбирая ровную тропу, обходя кусты и кочки. Время от времени он склонился над раненым и прислушивался. Полковник тяжело дышал; он шевельл губами, что-то шептал, но так тихо, что Одол не слышал.

Красноармейцы несли полковника, утлая по полю в грязи. Они остановивались, когда раненый стонал, и опускали носилки на землю. Один раз к полковнику вернулось сознание:

— Куда меня несут? Поздно, друзья. Кто здесь?
— Товарищ полковник, это я,— отозвался Василий Одол.— Несем вас в госпиталь. Вы будете жить.

Полковник не отвечал: он опять потерял сознание.

Стемыло. Нести раненого было труднее. За тридцать минут санитары прошли не больше километра. Василий Одол ногами напугивал тропу и торопил красноармейцев:

— Поскорее, ребята! Полковник будет жить. Только бы до госпиталя добраться.
Василий Одол остановил красноармейца. Они опустили носилки на землю, и Одол пригнул ухом к сердцу полковника:

— Слабо бьется... Это смерть оповещает. Не дожесты...

Он смахнул рукой слезы с глаз, вновьозважно сказал что-то полковнику. Раненый не ответил.

— Товарищ! Командир погибнет!— в отчаянии воскликнул Одол.— За жизнь командира и отвечаю. Или спису или погибну вместе с ним. Назвал!

Санитары жовели Ивана Бордога назад, куда, где грохотали пушки. Одол бежал знакомой тропой и торопил красноармейцев.

На опушке леса, у командного пункта, красноармейцы положили раненого. Василий Одол скрылся в лесу. Через минуту он полз-ся к машине.

— Осторожно, полегче укладывайте, так, так... под голову подушку,— приговаривал Одол,

помога санитарам уложить полковника в машину.

— Други,— обратился Одол к санитарам,— повезу полковника в госпиталь... по шоссе.

— На шоссе немцы!— в один голос крикнули санитары.

— Нет другого пути... Если в последний рейс, то с командиром... Прощайте, товарищи!

Василий Одол хлопнул дверей машины и пошел. В темноте, по памяти, он пробрался по опушке леса к полевой дороге.

Места эти Одол хорошо знал: бои шли на его родной земле. Все леса, болота Василию были знакомы с детства. Он тихо двигался к шоссе. «А там два газа. Дьяволом помчусь... Кто остановит,— сому. Лишь бы не пробка. Куда свернуть? Да там поле клещей... обехать можно». Если пробка на шоссе, у Дубовой рощи, свернул влево— обеду, а дальше напш...— раздумывал шофер.

Одол благополучно выбрался на шоссе. Он пригнул мотор и протиснулся. Полковник асстнал. «Жизн!»— подумал Одол, дал газ и выехал на шоссе.

По шоссе двигались немецкая колонна. Правой стороной шли бронемашин, пистеры с бензином и машин с солдатами.

Одол обогнал их. Изредка он включал свет, чтобы видеть путь впереди. С машины доносились голоса солдат, «бранятся, словочки»— поглядывая на дорогу, врался Одол.

Он проехал несколько километров, его никто не остановил. Росла надежда, что и на остальном пути минут опасность. Не сбавляя скорости, Одол мялся дальше. Но вот вперед кто-то на мгновение зажег фонарь. «Мне сигналят. Не затор ли?»— подумал Одол.

мал Василий. Не дожидая до человека, светившего фонарем, Одол свернул влево и, сбавив скорость, поехал межой. В шуме подвезжающих машин и грохоте танков никто из немцев не заметил, что Одол свернул с шоссе и поехал целиной.

Через несколько минут он остановился. Подошел к раненому и прислушался. Командир прерывисто дышал.

— Потерял... Теперь, товарищ командир, меня никто не догонит... У Дубовой рощи махну поле, я там все имея знаю... с ав-зяными глазами проеду!— шептал про себя Одол.

Василий Одол тихо поехал влево. Вскоре он опять выехал на шоссе и стал обгонять немецкие машины. Он уверенно вел автомобиль, решил не останавливаться несмотря ни на что. Расстелуга кобура наганя, положил рядом с собой гранаты: «Живым не возьму!»

Одол не сбавлял скорость, машин. Еще немного— и он будет вне опасности. Он знал, что за Дубовой рощей наши чата.

— Лес, лес близко!— шептал шофер— одну казавка, что он едет слишком медленно, хотя машина неслась с предельной скоростью.

Вот и Дубовая роща! Еще двести метров...

Вдруг Одол услышал сигнал. Он включил свет. На шоссе стоял офицер с поднятой рукой. В пяти метрах от офицера Одол резко свернул направо, прижался вытунку к машинам и через секунду пролез между офицером и колонной немецких танков.

«Немцы держис, Василий! Товарищ командир, мы будем взорваться!»— чуть не крикнул Одол.

Он мчался по шоссе один. Немецкая колонна осталась позади. Немцы открыли огонь по машине Одола, но пути летели мимо.

Через час Василий доставил своего командира в госпиталь. Полковника сразу перенесли в операционную.

О благодарном поступке Василия Одола мне рассказывал артиллерист и называл город, где находился на лечении полковник. Вскоре мне удалось побывать в тех местах. Я зашел в госпиталь и спросил о Василии Одоле.

— Человек, обогнавший смерть!— засмеялся главный врач.— Здесь он. Ждет своего полковника. Через неделю, наверное, вдвоем и уедут на фронт.
То дворе госпиталя, в саду, я видел Василия Одола. Я крепко пожал его руку и ведал прилет от товарищей артиллеристов.

Красноармейцы несли полковника по топкому болоту.

ДЕВУШКА В СЕ

Из фабричных ворот вышли обнищавшие две девушки — две подруги. Одна рослая, светловолосая, всегда улыбалась — Маруся из ткацкой. Другая, пониже роста, тоже Маруся, — счетовод из механического.

Хотя на улицах было пустынно, девушки почему-то разговорились шопотом. Они служились еще летом, на трудовом фронте, когда вместе с лопатами в руках рыли вокруг Москвы оборонительные укрепления.

Их звали сестрами, хотя они не были похожи друг на друга. Очевидно, сестринская работа и нежность выдала их за родных.

— Мне слово красля сейчас приставлено, как птица свободная в полет отправляюсь. Одежду меня в шинель, сапоги дадут — и стаю я бойцов. А как ты думаешь, возьмт мне шинель? Нет, скажи, Маруся, заведушь ты ничего — кем возьмт, куда. В команде ПВО всякие должности бывают, — возразишь позорно. — Сразу уже звоничка захотела... Погоди, еще сбучать тебя надо.

— А ты на этот счет шепкай будущее — останешься на фабрике?

И этот прямой вопрос задел за живое Марусю Филимонову. Она вспыхнула, хотелось тут же сказать что-нибудь дерзкое, грубое, но товарища заутра собирается в дорогу, и згорчать ее напоследок не следовало.

Маруся отстала с наружным спокойствием: — Может, на фабрике остануся, а может... — и она загадочно оборвала фразу.

Долго бродила девушка в тот памятный весенний вечер по переулкам Пресни. Много говорила. На расставание позорно расцеловались.

Наутро Маруся Филимонова пришла в цех. Кто-то спросил ее: — Проводела, кто ли?

— А то как же? — и она привычным движением открыла ящики стола, вынула счета и приступила к работе.

Девушка-воин! С каким восхищением смотрят на тебя сверстники, как хочется им шагать вместе с тобой по тропным дорогам войны, дышать грозным воздухом сражений!

Придет время, и историки, бережно разбирая архив великой отечественной войны, восстановят картины изумительных подвигов, совершенных скромницами, подчас безвестными героинями в серых шинелях. Кто знает, может быть, тогда, в тиши учебного кабинета, будет установлена личность замечательной девушки-связистки, которая в бою под Любовью, в момент, когда орда фашистов готова была ворваться в расположенные наших частей, громко крикнула:

— Товарищи! Что вы лежите?! Вперед! — и этим возгласом своим, в который была вложена вся могучая вера ее чистого сердца, подняла бойцов из окопов. С грозным криком «ура» полетница бросилась в тычки на врага, смела и отбросила его... В этом бою погибла сама же солдатушка. Но разве может умереть память о силе ее патриотизма?

Через годы лет, обрстая песнями и легендами,

Но работа шла не так, как вчера, позавчера... Путался шифр, мешали думы о другом. В обязанности переводчицы Маруся сходила к Лиде Волостовой, рассказавшая ей о своем жгучем желании:

— Как ты думаешь, возьмт меня в энцифмент или прожектористку? По плечу ли мне это дело? А вдруг скажут: «В следующий раз набор окончен».

На другой день Лидя Волостова пришла в секретарию комсомольского комитета:

— Знаешь, Миша, я к тебе с поручением. Есть у нас одна девушка, хочет обучиться военной спецслужбе. Промоли меня поговорить с тобой,

— Кто же это?

— Маруся Филимонова, счетовод. Девушка очень воспитанная, а главное — жгучее есть,

— Прислмай ко мне, поговорим.

В это время секретарь Миша Байтин беседовал с группой девушек, которые пришли в комитет комсомола с просьбой направить их на военную службу.

— Так вот дело какое. Районкомат разрешил нам, наконец, направить тридцать девушек для службы в командах ПВО. Работа почетная, ответственная. Вы замечаете мужчин, которые отправятся непосредственно на фронт. С кого же начать? С тебя, кто ли, Крейнина? Нина, отчество?

— Ниши просто: Ася Крейнина, токарь.

— С околотк идушь? Рада?

— Еше бы!

— Комсомольский билет с собой? Вносы завалил сейчас.

Миша берет из рук девушки билет, из него выпадает фотографическая карточка.

— Это брат мой — живущая на свинке, говорит Ася — на Калининском фронте воюет. И еще есть брат, моряк, балтинец. Только тот помоложе.

— Ну вот, теперь все семья из фронтовиков, — говорит с явной завистью кто-то из присутствующих.

— Ну, а ты, Катя Буданова? Хочешь быть э-

продет вестю о славной девушке-украинке Любе Земской. Когда грянула война, все помыслил, все чаяния Любы сложились в одно страстное желание: быть, собственной рукой быть ненавистных немцев захватчиков. Люба ушла на фронт. Терпеливо, настойчиво училась она стрелять из противотанкового ружья. Она великолепно стала владеть этим грозным оружием. Однажды, в разгар жестокой схватки, пять фашистских танков, извращая смертоносной огню, приблизились к рубяжке, занятую нашими бойцами. Когда сталивые чудовища подошли совсем близко, Люба спокойно прицелилась и нажала спусковой рычаг. Головной танк остановился. Языки пламени охватили его. Люба перемела огню на другую машину. И второй танк запыла. Немцы повернули обратно... А вечером враг возобновил атаку, и прокатная фашистская пуля оборвала яркую, кипучую жизнь этой мужественной воительницы. В ее похоронной сурьме недоконченое письмо. Оно кончалось торжественными, как молитва, строками:

«...Если вражеский снаряд оторвет мне руку, я буду биться одной рукой. Если я лишусь ног, я

ГЕРОИ ШИНЕЛИ

итичней? — обращается секретарь комсомольского комитета к сидишь рядом с Асей девушке.

— Это дело для меня подходящее, — отвечает девушка с длинными черными косами и живыми глазами. — Эта работа по мне. Я давно хотела.

Она говорит так уверенно, будто уже давно, с детства, избрала себе профессию зенитчицы.

Беседа с комсомолками, молодыми работницами подходит к концу. Девушки получают направление в райвоенкомат.

Открываются двери:

— Товарищ Байтин, Лида вам говорила про меня...

— Маруся Филлимонова?

— Да, да, сидела на механического. Уж вы, пожалуйста, направьте меня в ПВО, а то как же получается подругу видели, братья на фронте, а я остаюсь... Раз девчат будут обучать военному делу, пусть и я с ними.

Вечером Маруся, радостная, возбужденная, прибежала домой:

— Мама, собирай в дорогу. Буду учиться военному делу.

Правосюя Григорьевна засуетилась, стала выдвигать ящики комода, выбирать оттуда чистое белье, чулки.

— Слушайся всех, Маруся, — приговаривала мать, — что командир скажет, выполняй беспрекословно.

И она, гордая и немного ошелашенная предостерегающей разудкой, говорила соседкам, собравшимся в комнату Филлимоновых:

— Доченька-то у меня какая. На военную службу беруть. Я ее всегда поучала: учись грамоте — толк будет. Так и вышло. Правда, такая она у меня, ну да ничего — зато исполнительная.

В эти дни среди фабричных работниц только и было разговором о добровольцах-девушках, уходивших на военную службу. Одних провожали, другие только собирались покинуть фабрику.

Было 12 часов ночи, когда в комитет пришла

комсомолка Леля Сысоева. Комната была пуста. Байтин ушел на заседание парткома.

— Так и не сумел проснуться, досажало, — в Леля быстро написала записку:

«Миша! Я уезжаю, забвела к тебе, но ты занят, очень жаль. Что ж, Миша, до скорой встречи с победой! Покая Я очень люблю. Рано утром дождица придет в военкомате.

Привет всем членам комитета.

С пламенным комсомольским приветом

Леля С.

Скромные подарки приготовили комсомолки «Трехгорки» для молодых придлиница и ткачих, которые уходили на военную службу. Батистовые платочки, грелочки, зорькала лежали в походных мешках будущих зенитчиц, прожектористок, связисток.

Леля Сысоева, лучшая стахановка комбината, сказала на прощание своим товарищам по станку:

— Помните, что девушка с «Трехгорки» никогда не поведет — где бы она ни была, какая бы трудная минута ее ни застала.

Издавна комбинат московской Трехгорки мануфактуры славился своими искусными работницами — проризными, любящими свой станок, свою фабрику. В дни великой отечественной войны работницы старейшей русской фабрики оказались в первом ряду самоотверженных патриоток, помогавших нашей доблестной армии громить ненавистных фашистских захватчиков. Десятки молодых работниц «Трехгорки» ушли на фронт, в полевые госпитали.

Когда мы говорим «девушка с «Трехгорки», перед нами встает благородный образ санитарки Нади Симчевой, без устали выносившей раненых с поля сражения.

Но время уже вносит поправки. Сейчас, когда мы произносим «девушка с «Трехгорки», мы видим скромную девушку в серой шинели, с оружием в руках защищающую свою страну, свою фабрику, свой родной дом.

вперед полком к аэриному стаду и буду разить его гранатами. Если мне выверят очи, я увижу врага глазами сердца и не промахнусь».

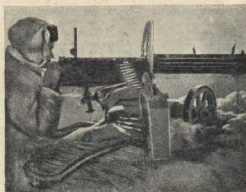
Еще одно имя докочет современности. Она принадлежит маленькой, сероголовой девушке. В тяжелые часы боя воемчий фельдшер Евдокия Зотова прочлила столько выдержки и хладнокровия, что ее имя поставили в ряд с именами храбрейших людей части. Шел жестокий уличный бой, кругом бушевала пулеметная ооонь, редлись ханы, но перелачный пункт, который организовала Дуся в пустой избе, работал превосходно. Не думая об опасности, поразившаяся саможизненно к своей работе, Дуся освоивала и промывала раны, накладывала швы, делала перевязки. Дове суток длались бой. И все это время без сна, без отдыха работала девушка, лишь изредка разбавляя онемевшую спину... Когда затах бой в все раны были отпрелены в тьму, девушка свалилась на лица с медиментами и заснула таким глубоким сном, что не слышала, как бойцы бережно перенесли ее на сделанную из шинели мягкую постель, укрепили походящими и выставили у дверей часового, пока-

зав ему стеречь сон смертельно уставшей «сестричкой».

Вот и эти девушки, чьи портреты помещены здесь, со всем пылом юности борются за честь, за свободу, за независимость своей отчизны.

На снимках показаны отдельные моменты их кипучей фронтовой жизни.

Отважная родистка Людмила Плакше (верхний снимок слева) отправляет срочное боевое донесение. На следующих снимках справа: санитарка А. Болочна расшифровывает телеграмму, только что полученную из штаба; медицинская сестра Людмила Ловцова едет на передовые позиции оказывать помощь раненым; Валентина Тарасова — хирург-комсомолка (верхний снимок справа) — полчасика назад окончила сложную операцию, выражая радость за лет сраженья. На следующих снимках справа: санитарка-медсестрица Вера Минаева обстреливает после взрыва; комсомолка-пилот Ольга Лищинца после возвращения из боевого полета; телефонистка А. Кушова спокойно и четко работает под вражеским артиллерийским огнем, обеспечивая беспрерывную связь.

— Осень

А. КАРЕЛЬСКИЙ

Артиллерия наступает

В романе «Пятьсот миллионов Бегумы» знаменитый французский писатель Жюль Верн вывел красочную фигуру немецкого империалиста Шульце, владельца и диктатора фантастического города-завода Шгалльштадта. Одержимый ненавистью к жителям соседнего демократического города, Шульце построил гигантскую пушку, которая должна была одним выстрелом уничтожить этот город со всеми его обитателями. «Это будет новая Помпея, устроенная мною на удивление и ужас всему

миру», — мечтал жюльерно-ювелирный Шульце. Однако он ошибся в своих расчетах, аземля его провалилась, и он сам погиб от взрыва одного из своих чудовищных снарядов.

Фантазия Жюль Верна была нестойкой. Он заставлял своих героев подниматься очень высоко — до самой Луны — и опускаться очень глубоко — до самого центра Земли. Но даже его пылкое воображение не могло представить тех полных рекордных глубин падения, до каких сумели опуститься главарь герман-

ского фанатизма. По сравнению с ними Шульце кажется скромным, но почти безобидным философом-мизантропом. Ведь он хотел уничтожить всего один город... А сколько городов уже успели превратить в руины тысячи ненавидевших фашисты, и сколько еще городов они мечтают сжечь, оравить, задуть! Фашистским главарям, вероятно, очень хотелось бы собрать все человечество вместе, выстроить в одну шеренгу, да и расстрелять из каждой-нибудь сверхпушки.

Немецкая военщина издана, хотя и не всегда с достаточным основанием, кинилась своей артиллерией. Пушечные короли Германии усердно вооружали немецкую армию. Не случайно через всю разбойничью историю германского империализма проходил вия Криппен — династия владельцев гигантских артиллерийских заводов. Однако писавшие для войны и сверхдальнобойные орудия, примененные Германией в войне 1914—1918 годов, не спасли германских империалистов от разгрома.

Наче на полях войны германская артиллерия столкнулась с нашей советской, сталинской артиллерией. И немецкие фашисты, мечтавшие подбить весь мир vaporом военной техники, зануждены были перейти из мира фантазии а мир трезвой и крайне несправдливой для них действительности. Они увидели перед собой грозные жерла советских пушек и вновь убедились в том, что она недооценила боевую мощь Красной Армии.

Артиллерийское мастерство, — можно сказать, национальная традиция нашего народа. Еще встарину воеземцы удальлись искусству русских «пушкарей». Русские пушечные мастера самостоятельно сделали крупнейшие изобретения в своей области, осуществленные на Заваде лишь много лет спустя. Русские артиллерийские изделия прославились себе меткой, мастеровой стрельбой. История нашей артиллерии — удивительная повесть об изобретательности и смежке ручного мастера, о героизме в боевом искусстве русского артиллериста.

Немецким фашистам следовало бы вспомнить уроки Семилетней войны 1756—1763 годов. Исход каждого из крупнейших сражений этой кампании решался русской артиллерией, заставившей пруссаков а лавине бегства с поля боя. В сентябре 1760 года русские пушки были уже у стен Берлина и готовились обстреливать город. Прусские генералы без боя сдали столицу.

Нашлись, сам выдвинувший генерал-артиллерист, вооружил свою армию передовой по тому времени артиллерией и искусно руководил ею. Но в историческом Бородинском бою напользованные войска встретились с ожесточенным огнем русских орудий. Ей, героической

Расчет готовит орудие к выстрелу. На снимке: момент заряжания.

Наводчик быстро производит наводку орудия.

русской артиллерии, позициями немца боевые строки дерматового «Бордюра»:

«Носились знамена как теи,
В дыму огонь блещет,
Звучат барабаны, выжила,
Рука бойцов колотъ усталу,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
...Земля тряслась — как наши груди,
Смекнулись в кучу ови, люди,
И залпы тысяч орудий
Слились в протяжный вой...»

Славные традиции русской артиллерии с честью и доблестью поддерживала и продолжила артиллерия Красной Армии.

Своей мощью, развитием конструкторской мысли, возросшим мастерством своих кадров советская артиллерия обязана товарищу Сталину.

Еще в осенние дни 1918 года, когда бело-гвардейцы подступали к Царицыну, массовое применение артиллерии, осуществленное по замыслу и под руководством товарища Сталина, оказало перелом на фронте и заставило белых в панике отступить.

Когда разбитыми отрядами Гитлера вероломно напали на нашу страну и, пользуясь преимуществом внезапности, стали тянуть наши части с территории от границы доблестно советского артиллерийского самозащитно-прикрывающего отхода. Не одна мотомехколонна фашистов как дым рассеивалась от ураганного огня нашей артиллерии. Дорогой ценой доставлялись захватчиками паникой сбитый русский земли. Уже в подпольной обороне показали себя действительными мастерами десанта артиллерийских полков, тысячи бойцов и командиров.

Часть полковника Ратова, вiane гвардейская, с первых же дней войны стала грозой для немцев оккупантов. Немцы обривались с самоубийством листовки, специально обращенные к бойцам этой части, пагубительно угрожали, что они «артиллеристов в плен не берут», фашистское командование в своих приказах рекомендовало «обходить полк Ратова», зная, что этот полк никогда не дрогнет, что ни один танк, ни один автоматик не пройдет через его боевые порядки.

А сколько таких полков в Красной Армии! Их множество. Все они, как и полк Ратова, закалялись в горниле войны; воспитывались боями, соприкосновениями с врагом командного состава.

Враг был оставлен, вынужден перейти к обороне, а затем в ряде участков фронта откатываться на запад. «Захватив инициативу военных действий в свои руки, Красная Армия нанесла немце-фашистским войскам ряд жестоких поражений и вынудила их очистить значительную часть советской территории. Расчеты захватчиков использовать зиму для передвижения и закрепления на своей оборонительной линии потерпели крах. В ходе наступления Красная Армия уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, забрала у врага не малое количество техники и заставила его перенести израсходованные резервы на глубокого тыла, предназначенные для весенне-летних операций» (Сталин).

Командир орудия повторяет приказание, передавая ему радость, и отдает приказание маршировать.

В борьбе Красной Армии против немце-фашистских войск выполнялась роль, принадлежавшая артиллерии. Успешней все артиллерия в нынешней войне неизмеримо повзрослела. Артиллерия — бог войны, говорят товарищи Сталин.

Мысль генерального вождя вооруженных сил советского государства по-новому разбавила вопрос участия артиллерии в наступлении.

Прежде перед атакой пехоты и танков артиллерия подготавливала отдельные огневые точки на переднем крае обороны, а затем переносила огонь в глубину и сопровождала войска огнем валом, подвижными заградительными огнем.

Газеты сарафос разбрасывались на большой площади, причем отдельные промежутки оставались без воздействия, а объекты соображения зачастую лишь временно сивали свою активность, чтобы затем встретить атакующих огнем. Пехота противника прижималась к земле, а потом, после окончания артиллерийской завесы аглубу, поднимала голову и опять вступала в бой.

Радиот на оневной позиции принимает артиллерийскую команду с наблюдательного пункта и передает ее командору орудия.

Таким образом, мощь и маневренность артиллерийского огня использовались не полностью, пехоте и танкам приходилось повторять расчетку пути. Задерживался темп продвижения, при развитии прорыва силы наступавшего ослабевала, тогда как именно в эти моменты от стрелков и танкистов требовалась колоссальная напряженность сил для ликвидации все новых и новых обнуляющих себя оводов сокращения, отдельных огневых точек.

Иначе обстоит дело теперь. Немцые полчища, вынужденные откатываться назад, стараются закрепиться на каждом тактически выгодном рубеже. В расставленных пунктах, на отдельных высотах они создают сильные опорные пункты с широко развитой сетью укреплений, различных заградений, сложной системой огня. Для того чтобы пехота и танки смогли овладеть этими опорными пунктами, необходимо надежное уничтожение огневых точек, разрушение дзотов, близлежащих окопов с находящимися в них неприятельскими гарни-

Батарея стоит на закрытой позиции. Орудийные расчеты не видят цели. Но ее видит зоркий глаз артиллерииста — наблюдательный пункт. Отсюда командир батареи передает команду по радио на оневную позицию.

зонами, подразделениями. Это ответственнейшую задачу и выполняет артиллерия. Наступление становится в первую очередь артиллерийским.

В чем же сущность и основные принципы артиллерийского наступления?

Первый принцип — сосредоточение артиллерийских средств на решающем направлении. Части, дивизионы, батареи распределяются не исходя из наличия артиллерии у противника, не по километрам фронта, а в соответствии с замыслом войскового начальника. Там, где намечается главный удар по обороне врага, группируются и основные силы артиллерии. Если враг попытается парировать удар, то мятежный массированный артиллерийский огонь заставит его откатываться от победной позиции.

Второе требование к артиллеристам — вести огонь непрерывно на всю глубину обороны, на протяжении всего боя, воздействовать по хорошо разведанным достоверным целям. Не просто открывать ураганный огонь, а гротить захватчиков объекту сосредоточения, не позволяя, а уничтожая живую силу и технику врага.

Артиллеристы добиваются непрерывности огня путем своего рода «разделенных трудов» и своевременного перемены боевого порядка вперед. Батальоны и полки артиллерии все время следуют с пехотой, сопровождают ее огнем и колесами до полного успеха. Основной метод стрельбы малозабиверных пушек — прямой выстрел с открытых позиций. Если в процессе наступления что-либо может задерживать нашу пехоту или танки, артиллеристы бьют по задерживающим в упор. Когда с разбитием боя в глубину выявляются новые цели, скрываются до тех пор, они немедленно сбавляют огонь пушек.

Батареи более крупных систем еще до начала атаки обрывают сосредоточение пехоты и танков на исходных позициях, затем ведут огонь по важнейшим целям, как правило, с закрытых позиций. Сосредоточение огня на скоплениях противника, его резервах, артиллерии, разрушение прочных сооружений — вот их задача. Огонь ведется непрерывно. Когда один подразделение меняет позицию, другие прекращают их своим огнем.

Бывают случаи, когда нужно быстро разрушить солидное укрепление врага, скопившего дубинные навалы частей. Тогда и тяжелые гаубицы ставятся на открытые позиции и своими снарядами сокрушают оборонительные сооружения батальонов.

Третий важный элемент артиллерийского наступления — тесное взаимодействие пехоты (танков) с артиллерией. Наземные войска бьют врага под звук артиллерийской музыки, под тротот разрывов артиллерийских снарядов. Это означает, что действия пехоты, танков и артиллерии четко согласованы.

(Окончание на странице 16.)

Кажется, потонули в сонной дремоте и поле, и лес, опустивший селме усы ветвей, и заснеженная деревня на пригорке. Но вот откуда-то доносится глухая отзвуки артиллерийских выстрелов, из голой вышестоявшей промелькнул снарядом, и резкие взрывы разрывали свинцовую утробную тишину. Лес вздрогнул, роняя на землю снежные хлопья. Поход и размерено заступал где-то рядом пугает, подслалась долгие выстрелов выстрелов. Начался обычный фронтальной день.

Взвешивая Сериков лежит в снежном сугробе на словах ветра, застывших белой простыней. И сам он, в белом халате, с горбом противозащитной сумки, неотделим от сугроба. Сериков приметил вала позолотенную выстрелов. Артиллерийские снаряды, что вращались на ней немца с биноклем. Сериков на всякий случай пристрелялся по дубу, стоящему на таком же расстоянии, только поправил на сток пули ветром, на температуру воздуха. Теперь оставалось только терпеливо ждать.

Загорючил наш артиллерия. Снаряды проносились высоко над головой и разрывались за рощей у моста. Немцы-батарея, конечно, пострадают обязательно. Сериков еще больше восторожился.

На высоте показалась фигура в белом халате, бегущая степью биноклем. Немский артиллерийский наблюдатель, Сериков только чуть повернулся, приглядывая локте к плечу. Ой, кажется, даже не слышал выстрела, когда плавно наехал на снежок, выскочил в воздух дугу в выписи в снег рядом с белой фигурой. Немец не успел повернуться, как прозвучал еще один сухой щелчок выстрела, и он свалился набок и выгнувшись во весь рост на снегу. Потом чье-то немцевая рука потянула сначала упавший бинокль, а затем труп наблюдателя. Сериков не устоял: он знал, что здесь должен быть второй наблюдатель. Снайпер, сканжился в комок, терпеливо ждал.

(Окончание статьи «Артиллерия наступала»)

Сраком провозгласит записи в дневниках и показания пленников солдат фашистской армии, говорящие об острейшей артиллерии. «Они вначале стреляли русская артиллерия пулями, прожженной рукой захватывает один из них, «Советские орудия служат нас уми», признается другой.

В секретном документе «Оценка русского руководства, тактика и боеиспособности войск» ставна германского главнокомандования вынуждена была признать высокие качества нашей артиллерии. «Орудий всех калибров, особенно средних, было с избытком, материальная часть — совершенная и хорошая. Орудия в большинстве случаев являлись тракторами», — говорит о нашей артиллерии этот документ.

Но даже не только в достоинствах материальной части нашей артиллерии. За советским артиллерийским орудием стоит самостоерожный вариант, герой, готовый на смерть ради советской родины: человек с совершенными владениями современной войной боевой техникой.

История отечественной войны знает немало фактов выдающегося героизма наших артиллеристов.

Нелегкое зимнее солнце выжигало навоза леса, и на поле стали отчетливо видны каждый холмик, каждая заснеженная выемка кочка. Попеременно высоко над головами свистели снаряды, в стороне гудело рвалось немецкими, частую дробь выстукивал пулемет. Но снайпер не замечал этого. Он все сосредоточился на одной точке.

Часа через два из-за гребня высоты выринулся второй фигура. Сериков не сразу стал стрелять: надо подождать, пока немец освоится, вообразит страх, поднимется позыше. Вот теперь цель как на ладони, и она свалилась с первого выстрела.

Когда упал, сраженный пулей, и третий наблюдатель наблюдал, Сериков оторвался от вышки и отскочил на бок. Он знал, что больше трех наблюдателей на одном месте не поймают. Снайпер на минуту закрыл уставшие глаза и только теперь почувствовал, как от долгого лежания вышло все тело, хотелось размяться. Он вылез из своей ямки и, пригнувшись, пошел в чистую лес. Там стояла воткнувшаяся в снег дышка. Через минуту горбатая фигура в белом халате скрылась в лесу.

Короткий зимний день был уже наскочке. Сине тени ползли по поляне. В липовых кустах гудели жуки.

В замке комбата было жарко и наполнено, и всякой раз, когда открывалась плоть плаща, в замке врывались клубы пара. Немцы распустили в атаку, и прикупились такие слова, которые были бы понятны собеседнику и ввели бы в заблуждение немецких перехватчиков.

Орудия мне кажутся только до завтрага. Да, до завтрага. Пришлите так, чтобы на целый день хватило. Четвертое хватят. Что? Птицы улетают еще вчера юрью, встает у соседа в огороде. Зорнички жались с собой, котлянички поже. Катюша была, Обед был хороший, гости уехали совсем. Завтра тоже обязательно.

На высоте, где находились батареи лейтенанта Федорова с 32 бойцами, шел в атаку батальон фашистской пехоты. Советские артиллеристы отозв на расстоянии 200 метров отбили атаку врага. Немцы начали отстреливать батареи из минометов и артиллерии. Но лейтенант Федоров отвел отряд на запасную позицию, и батареи вышли изпод обстрела. Показал, что советская батарея уничтожена, немцы двинулись в атаку, и снова их отстрелил сокрушительный огонь. Выд маневр, когда немцы подходили почти вплотную к нашим орудиям и артиллеристы отбили их атаки пулями гранатами. В конце концов фашисты отступили, оставив на поле боя 460 убитых и раненных — шифра, убедительно свидетельствующая о губительности нашего артиллерийского огня.

В наступательных операциях советских войск наша артиллерия показала свое превосходство перед фашистской артиллерией. В той области, где немцы-фашистские командования считали себя безусловно необходимыми, в области артиллерии они терпят поражение несмотря на то, что в руках фашистской Германии находится значительная часть артиллерийской промышленности Европы. Выполнив приказ народного комиссара обороны

Ивановича Сталина, советский народ дает фронту все больше и больше артиллерийского оружия, готовя окончательную победу над врагом.

— У входа на выставку «Памяром немцевых войск под Москвой» в Центральном доме Красной Армии стоит впечатлительный портрет рост человека, артиллерийский снаряд Духотрестидесятимиллиметровая немцевая гаубица доложена была бросать подобные снаряды в центр Москвы. В ноябре прошлого года немцы уже подвезли тяжелые гаубицы к воротам нашей столицы, но даже не успели их зарыть.

Выставка войск Красной Армии отбоярала у немцев последние орудия, и вот немцевая гаубица пошлаа прямым путем из Берлина в московский музей, так и не сделав ни одного боевого выстрела по Москве. Правда, она оказалась бесполезной грозой для нас, но все же, ведь, ведь не расщепивших на экзотичность такого калибра, и гаубицу пришлось поместить в парк. Бесполезно смотреть на восток ее возвышавшее, некогда грозное жерло.

Посетители выставки — красноармейцы, командиры — деловито и критически осматривают ее. А тем временем наша советские пушки жгут и жгут на запад, сея в стане врага огненную смерть.

Почему, потонули в сонной дремоте и поле, и лес, опустивший селме усы ветвей, и заснеженная деревня на пригорке. Но вот откуда-то доносится глухая отзвуки артиллерийских выстрелов, из голой вышестоявшей промелькнул снарядом, и резкие взрывы разрывали свинцовую утробную тишину. Лес вздрогнул, роняя на землю снежные хлопья. Поход и размерено заступал где-то рядом пугает, подслалась долгие выстрелов выстрелов. Начался обычный фронтальной день.

Взвешивая Сериков лежит в снежном сугробе на словах ветра, застывших белой простыней. И сам он, в белом халате, с горбом противозащитной сумки, неотделим от сугроба. Сериков приметил вала позолотенную выстрелов. Артиллерийские снаряды, что вращались на ней немца с биноклем. Сериков на всякий случай пристрелялся по дубу, стоящему на таком же расстоянии, только поправил на сток пули ветром, на температуру воздуха. Теперь оставалось только терпеливо ждать.

Загорючил наш артиллерия. Снаряды проносились высоко над головой и разрывались за рощей у моста. Немцы-батарея, конечно, пострадают обязательно. Сериков еще больше восторожился.

На высоте показалась фигура в белом халате, бегущая степью биноклем. Немский артиллерийский наблюдатель, Сериков только чуть повернулся, приглядывая локте к плечу. Ой, кажется, даже не слышал выстрела, когда плавно наехал на снежок, выскочил в воздух дугу в выписи в снег рядом с белой фигурой. Немец не успел повернуться, как прозвучал еще один сухой щелчок выстрела, и он свалился набок и выгнувшись во весь рост на снегу. Потом чье-то немцевая рука потянула сначала упавший бинокль, а затем труп наблюдателя. Сериков не устоял: он знал, что здесь должен быть второй наблюдатель. Снайпер, сканжился в комок, терпеливо ждал.

(Окончание статьи «Артиллерия наступала»)

Сраком провозгласит записи в дневниках и показания пленников солдат фашистской армии, говорящие об острейшей артиллерии. «Они вначале стреляли русская артиллерия пулями, прожженной рукой захватывает один из них, «Советские орудия служат нас уми», признается другой.

В секретном документе «Оценка русского руководства, тактика и боеиспособности войск» ставна германского главнокомандования вынуждена была признать высокие качества нашей артиллерии. «Орудий всех калибров, особенно средних, было с избытком, материальная часть — совершенная и хорошая. Орудия в большинстве случаев являлись тракторами», — говорит о нашей артиллерии этот документ.

Но даже не только в достоинствах материальной части нашей артиллерии. За советским артиллерийским орудием стоит самостоерожный вариант, герой, готовый на смерть ради советской родины: человек с совершенными владениями современной войной боевой техникой.

История отечественной войны знает немало фактов выдающегося героизма наших артиллеристов.

Сейчас же после нашей артиллерийской подготовки выгнула немецкий наблюдатель. Он не успел оглянуться — пулей снес ему снайпер. Но противник чувствовал, что наши части что-то готовят, и немецкие наблюдатели появились то там, то здесь. Патяерх Сериков сумел уловить их.

Потом у Серикова были дни неудач. Он сменял несколько огневых позиций, но не убил ни одного фашиста. За эти дни немцы несколько изменили тактику: с утра по весу рты бежали куда-то в котельни, часто выскакивали из окопов по очереди, и снайпер стрелял на выбор, но заблаговременно немцы, то теперь не показались ни один солдат.

— Сериков немцы у немцев порядок, — шутил в наших окопах. — Но до шухот. Он наудачу вернулся на свою первую огневую позицию, залез в снеговую яму и стал следить за высотой, где у немцев были когда-то наблюдательные пункты. Через несколько дней снега осторожно вынырнула белая фигура. Сериков с удивительным искусством секунд рассматривал ее в оптический прицел, потом прицелил немца одним выстрелом. Но после этого он, пролежав еще три часа в снегу, больше ничего не дождался.

В стане врага уже узнавали тяжелую руку русского снайпера по его смертельным меткам на наблюдателях, офицерах, связных. И за них стали охотиться.

Однажды, когда Сериков с наблюдателем только что расположились на своей позиции, рядом в березу шелкнула разрывная дуда. Взрыв взметнул снег впереди.

— Гас-то автоматчик заблудился, просят, чтобы на дорожку, где у немцев был когда-то окоп. Но мы его потом найдем, а сейчас надо артиллеристам заняться.

Огневую позицию все же пришлось сменить. Но вскоре и на новую позицию поселились разрывные дуды. Сериков решил, что Сериков выскочил. Кто может выселить снайпера, если не снайпер же? А Сериков хорошо знал, какую опасность представляет для него наступающая колонна вражеского снайпера.

Отползли за укрытие, закурили. Сериков сразу же оценил силы своего противника. Он видел точно, где находится снайпер. Но возвращать не может, дожидается, пока цель как следует покажется. Наверное, кредит за меня попошлал. Что ж, постараемся выдать.

Сериков еще раз затряснул малорычным дымом, бросил окурок в снег и пошел вперед, в сторону от окопа. Оттуда он внимательно осматривал след пуга немецкого снайпера, оставившего на берегу. Теперь ясно было направление, откуда стрелял враг. Сериков отполз еще в сторону и подполз к огневой позиции: вырубил лопотой яму в створе, вынул и осторожно отодвинул назад бочку снега, сделал амбразуру. Начал наблюдать. Его внимание привлекло невеликое створенное джо. Судя по направлению, пули шли отсюда. Прицелился. Выстрел. Сериков заметил случайно выскочившую из-за оборванной трубы ногу белого халата. Хорошо приспособился, так обнаружил и зенитную амбразуру. Сомнений быть не могло: немецкий снайпер прятался за печной трубой, рассчитывая, что она защитит его от пуль. Но Сериков знал пробивную силу своей пули. Это не разрывная немецкая, которая не может пробить ствол березы. Наведя перекрестие прицела чуть ниже амбразуры, Сериков выстрелил два раза. Из второго выстрела немецкий снайпер шагнул из-за трубы, покаявшись и упад. Сериков еще несколько минут смотрел через оптический прицел на неподвижный труп, на выпукло в открытой правой руке.

Так закончилась дуэль двух снайперов. В заломе вражескую оборону, часть теснит немцы на запад. Вслед за наступающими идет снайпер Сериков. Теперь он может начинать действовать в нескольких других участках. Нет постоянных, заранее пристрелянных огневых позиций. Часть непрерывно движется вперед; то и дело выжигаются котельни, горючие схватки с прагом. Часто успех боя решается минутами. И снайпер отменно чувствует темп боя.

Он располагается с наблюдателем на фланге наступающего подразделения, высматривает поразке створку в тумане. В мимолетное мгновение, прислугу орудий — все, что мешает наступающим. Иногда цель появляется в то время, когда снайпер переходит с одной огневой позиции на другую. И Сериков начинает тренироваться в стрельбе навскидку. Группы немецких солдат перебегала из одного окопа в другой. Сериков на минуту останавливался, всматриваясь в створку к лавочке. Мимолетный он поймал в перекрестие прицела в окоп. Пока отделение успело скрыться в нем, Сериков уложил двоих.

Нельзя считать своим перелетным размещают автоматчиков, которые, перебегая из окопа в окоп, стараются создать ложное представление о силе обороняющихся. Кроме того, они производят и боевые действия в других частях, обстреливая их с флангов и тыла. В борьбе с автоматиками также приходится уметь снайпера стрелять навскидку.

Предстояло атаковать вражеский узел сопротивления. Враг засел в блиндаж, в глубоких окопах, зарыл в землю танки, бронемашину. Все это было искусно замаскировано. Нужно было много умения и военной точности, чтобы обнаружить огневые точки врага.

Здесь Сериков использовал еще одно качество своего замечательного оружия. Располагившись на огневой позиции, он начал проинспектировать траншеями гудами каждую подпольную высоту, каждый пригорок. В одно мгновение гуды выписывали метку и исчезали бесследно. В другом окоп отскакивал, и свистящая точка скрывается в створку; значит, здесь враг. После этого остается по конфигурации окопа и по другим признакам определить, что это такое: танк, бронемашина или штт пушка.

— Сериков вошел в блиндаж командира батальона, чтобы получить новое задание. Комбат заканчивал разговор по телефону:

— Так что и считало, если гостей как следует покорить орудиями, их обязательно выстрелит, и что полонит, и что полонит, вам докладывал письменно. Да, да, квартиры там поменяны все точно. Как узнали? Разными способами. Есть у меня такой Соколинский глаз, но много не надо.

Отложив трубку, комбат повернулся к Серикову:

— Слышал, какую тебе кличку дал? Соколинский глаз! Читай про такого? Он любит ямпу на лету выхватывать.

— Это у Фейнмана Купера, товарищ комбат — ответил Сериков. — Но тот Соколинский глаз уже ушел в пулю поспать. У меня, пожалуй, так не получится.

— А это тебе и не надо. Там же одна твою пуля пройдет, второй уже нечего летать.

Получив задание, Сериков направился в свою землянку. Там отходящие бойцы под гитару подбирали мотив к новой песенке. Она начиналась так:

«Есть у нас в подразделении
Снайпер Сериков Евгений
Матерный, парень ловкий,
И наблюдательный».

Бьет врага с большой скоростью,
Для фашистов он — гроза».

Из окопа в окоп, из землянки в землянку, далеко за пределами части идет слава об искусном снайпере сержанте Серикове — Соколинском глазе. Никогда больше не будут топтать землю тридцать семь километров, оставших на прицел его винтовки. Это были самые отважные, самые опасные враги — офицеры, наблюдатели, пулеметчики, командир орудий. Много важных искусно замаскированных целей — танков, бронемашин, урал — указал Сериков нашим артиллеристам.

Нельзя Сериков провозил в подразделении ватных молодых снайперов, подготовленных им в короткие перерывы между боями и в самых боях.

— Ты и в каждой роте будешь свой Соколинский глаз! — сказал он им на прощание.

Западный фронт.

К. НЕПОМЯНИЦА

СЛУЧАИ В ВОЗДУХЕ

Перегудов барражировал над берегом моря, когда в небе неожиданно появилось много вражеских бомбардировщиков. Перегудов мгновенно скрылся в облаках. Возле трети секунды он вынырнул из облаков и, внезапно обрубившись на ближайшей немецкой самолеты, открыл по нем пулеметный огонь. Бомбардировщик загорелся, и летчик, находившийся на берегу, оказался свидетелем его последнего огневого шара.

Второй бомбардировщик благополучно избежал убийства поборку перегудов. С занавеской быстрой он набрал высоту и исчез. Больше он не появился. Но третий решил драться.

Мы наблюдали с земли, как два самолета помчались навстречу друг другу. Лобовая атака! Машини сблизилась с огромной скоростью. Вот-вот они столкнутся... Но в самую последнюю секунду немца немецкого летчика сдвинул. Бомбардировщик сделал резкий рывок и ушел вправо.

Ястребок рванул в сторону. Немцы становились неуловимы. Перегудова звала азбука. Он приближался почти вплотную к врагу и дал несколько коротких очередей. Бомбардировщик начал падать, но не сразу. Чувствовалось, что самолет управляет опытный, бывалый летчик. И тут Перегудов вдруг с ужасом обнаружил, что он расстрелял все патроны. Здесь боевая песня. Что делать? Не упустить же бомбардировщика, чорт возьми! Перегудов решил идти на таран. Набрал высоту, он обрушился всей тяжестью своего самолета на немецкую машину. Раздался треск, загулявший шум моторов; почти одновременно из двух развалившихся самолетов вывалились с парашютами летчики — три немецких и один советский. Кто первым приземлился? Если немцы, то они пристрелят слушающегося Перегудова. Если первым допустит землицу Перегудов, он сумеет справиться с врагами. Три жестких минуты и один белый опуснулся с одинаковой скоростью. Но вот желтые парашюты обогнали белых.

Перегудов нагир все силы и стал подбираться стрелой парашюта. Бур это ужалось. Сын жинки ухмылялся. Перегудов начал смеяться то же самое, но они уже опоздали: Перегудов обогнал их за несколько секунд. Падение оказалось стремительным. Толчок был так силен, что Перегудов отлетел от берега несколько метров.

Через несколько секунд он пришел в себя. Каково было его удивление, когда он увидел, что связан по рукам и ногам. Несколько крестьян бесцеремонно поволокли его по дороге. Перегудов заорал:

— Что вы делаете? Немцы же там, за лесом!

Крестьяне недоверчиво посмотрели на летчика:

— Рассказывай бабам! Поймали, так поймаем!

Настоящее, чем окончилась бы эта история, если бы к месту происшествия не приключилась с аэродрома санитарная машина. Тогда все выяснилось. Колхозники стремились победить к лесу. Ослабленный Перегудов едва поспевал за ними. Поняв, что лесу оказались боковыми немцами; немецких летчиков нигде не нашли. Потеряв уже надежду, Перегудов вышел на опушку леса. И здесь он вдруг увидел тех, кого искал. Три немецких летчика лежали разлитою, связанные стрелами своих же парашютов. Это было делом рук другой группы коммандос, сгоревшим стовых поодаль и о чем-то оживленно беседовавших.

35 ДНЕЙ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ

Трудно было даже пробрасться в плену у врага. За это время я побывал в трех лагерях для военнопленных: в деревне Стойке, в Ельце и в центральном Смоленском лагере. Мне удалось бежать... Восемьдцать дней шел я затем по оккупированной территории, пробрался к лугам, дорожки и волчьи тропки к родной Красной Армии. Картина и снимки, свидетелем которых мне пришлось быть, глубоко потрясли меня. Незабвенно и ненавистно, смертельно ненавистно к оккупационной армии выглядят они в сердце каждого честного человека.

То, о чем я здесь рассказываю читателю «Смены», истина, печальная и страшная.

Все, о чем я пишу, я либо видел собственными глазами, либо слышал от десятков людей, заслуживающих доверия,—от таких же военнопленных, как я, или от крестьян, живущих на оккупированной территории.

ДОРОГА СМЕРТИ

Положение красноармейцев в немецком плену настолько тяжело, что едва ли можно найти в истории поддокументированно. Ни рыцарские рабы, ни крепостные не были столь бесправны, как русские бойцы в плену у фашистских захватчиков. Быть может, только самые свирепые в тулуне из пиратов, перемещавшихся в начале XIX века между-реками в Африку и Америку, обращались со своими жертвами так, как фашисты обращаются с пленными красноармейцами.

Пленные, как и все население оккупированной территории, введены под контроль скота и личного отряда из проволочных немецких офицеров и солдат. С бойцов и командиров, взятых в плен, немедленно снимают пояса, вынимают сабли, шашки, пистолеты.

Грабят немцы не только тогда, когда они свали голые и босые, но и в шпале. Пленные маршеры опасную работу делают за плеча и пойдут себе дальше...

Немские маршеры отнимают у красноармейцев деньги, часы. Ускороно идут они у военнопленных сахар, в котором фашисты используют жесточайшую нужду.

Путь в лагерь длинный. Колонны пленных, среди которых много больных и раненых, движется медленно. По пути—десять километров похитили пшеницы. Нет ничего более страшного, чем вид этих изможденных, истощенных людей, тоскливо бредущих вдоль дорог. Мне самому пришлось идти здесь в составе партии пленных из Стаек в Смоленск. За все это время мы получили всего только один раз: зам дыала по блонду веревочной пшеницы, сваренной в воде... Все эти дни мы были выжурены от голода и холода. Кто добывал в карманах армянской сушары, кому удавалось выкопать на привале шар картошки

или достать у крестьянок комочек хлеба, по немало выжило ничего не ели...

Погода стояла суровая, по вылезшим людям дул студеной ветер. Шел мокрый снег. Начекали мы под открытым небом либо в сараях с полуразрушенными крышами. В эти сарая немцы согнали столько людей, что не только лезь, но и сесть нельзя было.

Никогда не забуду я ночь, проведенную на станции Яново, близ Смоленска. Дном погоды была промозглой и холодной, а промок—очень долго. В Яново мы пришли в полной темноте, голодные, промерзшие до мозга костей, совершенно измученные. Вокз нас согнали в пустое бескомнатное здание спирто-водочного завода. Люди сбивались теснее, чем солдаты в бое. Нечего было и думать о том, чтобы сесть. Все ночь простояли мы так в холодном здании, прехватывая друг к другу. Беспомощно было пытаться пробраться к двери. Стены ровные и умиротворяющие, вопли измученных неслись со всех сторон. Обессиленные постепенно сползали под ноги тех, у ком еще теплилась жизнь... Много трунов осталось в эту страшную ночь в адула яново, еще больше лежат на дорогах, по которым везли пленных.

Никогда в бою не видел я такого страшного уничтожения людей, как на пути в Смоленский лагерь. Военнопленных, обессиленных многодневным голодом, холодом, бессонными ночами и действиями перестрелки, повозках еды и отсталых от колонны, немские конвоиры, как правило, пристреливают.

Сначала немец-конвоир нешало быт обессиленного красноармейца пятаком или пятаком по голове, подталкивает острым пятаком, толчет ногой. Затем, когда фашисту не случится вознестись с обессиленным человеком, он вскакивает винтовку. Выстрел в упор — и еще одно тело валяется на обочину дороги.

Конвоим, сопровождавшим колонну военнопленных, в составе которой я шел из Ельце в

Смоленск, командовал высочайшей голубой фельдфебелем, баварский гетман с голубыми глазами и ровными щеками, Фамилей его я не знаю. Солдаты называли его «Шон». С невозмутимым видом стрелял этот палач в отсталых, обессиленных солдат, в тех, кто отбегал в сторону, чтобы выкопать картошку или сорвать лист промерзшей капусты. Немские солдаты не отставали от своего командира. Наша колонна таила, оставаясь позади страшный след из обезумевших трунов.

Особенно жестокие сценарии разворачивались в деревне. Крестьяне выносили пленным вареный картофель, ломти хлеба, блины — то немногое, что еще не успели отобрать у них оккупанты. Тут же начиналась широкое огульное грабительство. С автоматом в руках выдвигались они к толпе пленных, удерживавшихся за пиццей, пускали очередь за очередью...

Никогда не забуду я одного нашего мертвого раненого бойца. В предсмертных муках он ворочался на дороге, но все еще пытался схватить слабейшей рукой катушку по земле картошку... Не забуду и другого бойца, молодого парня из рабочего батальона. Когда раздался выстрел, он все еще торжественно вытаскивал из кофра недоеденную картошку. Несчастный анал: малейшее прикосновение грозит ему смертью... Но не мог же несчастный так умереть! Он брел, доблестно убитым с таким трудом картошкой.

Шон выстрелял еще и заложил, и пленный упал лицом на горящие угли костра.

Ошибкой было бы думать, что баварец Шон—чужеземное исключение. Нет, все германские конвоиры издеваются над пленными, расстреливают их, в особенности отсталых от колонны и больных. Убийства пленных—обычное дело в фашистской армии. Дождался этому—шоше из Рославля к Смоленску. Оно было жестоко трунами расстрелянных наших товарищей.

СМОЛЕНСКИЙ ЛАГЕРЬ

В Смоленский лагерь я оказался свидетелем еще более жестокого, варварского обращения немцев с красноармейцами. Истребление советских военнопленных здесь ведется систематически, но заранее разработано планомерно.

Смоленский лагерь — это своего рода резервный лагерь, отсюда пленных переправляют на другие лагеря. Среди находившихся в центральном расстреливательном лагере, откуда оставшиеся в живых пленные рассылаются по лагерям Польши, Австрии, Германии.

Представляю себе барак, огороженный тремя рядами колючей проволоки. Холод, пещи нет, Тесто, омуленность — ни лезь, ни сесть нельзя. Выкапывать за проволочной оградой разрешается только строем, за получением пищи. Пленному, которому этот приказ, угрожают палочные побои.

Все военнопленные, попавшие в Смоленский лагерь, обречены на медленное, мучительное и неизбежное вымирание от голода. Дневной рацион состоит из двух измученных горькой баланцы—жидкой похлебки из ржаной муки, сваренной без соли, в воде. Изредка в этой баланце удается выкопать кусочек лошадиного лепешки, кинуть или пару высушен картофеля-

Один из многих фотодокументов-лик... Здесь сняты надгробия в городе Юковке среди пленных красноармейцев, зверски замученных фашистами. Гитареросские звери похитили свои жертвы страшным пятаком и штыкми: ломали руки, вырезали куски мяса... Кровь этих загубленных фашистскими палачами советских людей зовут к отжиганию!

Взвод

Командира Дубова

4. Лесная засада

Немцы, отступая, бешено сопротивлялись. То и дело они предпринимали яростные контратаки, чтобы вернуть утраченные позиции.

Туго приходилось батальону капитана Изыанкина, защищавшему рубеж между двумя деревнями — Путьево и в Матюшино. Вряд, видимо, получив серьезные повреждения и решив любой ценой отступить на этом участке нашей части. Атака succeeded за атакой. Немцы наседали. Их натиск становился все сильнее и сильнее. Батальон получил приказ отойти на запасный рубеж.

Капитан Изыанкин потренировал к себе командира взвода младшего лейтенанта Дубова, оценивая его с обстановкой и сказал:

— Через два часа батальон начест отход на восток, к селу Никольское. Отходить будем неземом. Ваш взвод должен прикрыть отход по шоссе Путьево — Никольское. Ставлю вам задачу: изгнать немцев и засадить на шоссе задержать продвижение немцев к рубежу реки Вора.

Капитан показал Дубову на карте, где следует устроить засады, и приказал выступить немедленно.

Дубов свел взвод и отпущенной лес направился в тыл. По дороге командир обдумывал, как лучше выполнить задачу. Природные условия, несомненно, благоприятствовали ему. Болотистая местность да лесной массив с обеих сторон обступивший шоссе, — это может быть лучше для засад? В одном месте лес вплотную подступал к шоссе. Этот участок Дубов решил поручить сержанту Тюлькину.

— Оставайтесь с отделением здесь, — сказал он сержанту, — и следуйте поперек дороги завалом. Когда закончите работу, оставьте для прикрытия трех бойцов, а сами с отделением отходите дальше на восток, пока не дойдете до ручья. Там уложите мост. Его надо разрушить и организовать засаду, устроить огневое наблюдение на передние части немцев. После этого лесом пробирайтесь в рощу. Там получите дополнительные указания.

Дубов принял командиром своего командира с полуслова. Пока младший лейтенант объяснял задачу, Тюлькин в уме уже прикидывал, как, где и с кем он будет

действовать, кого куда направить. Дубов ушел. Тюлькин со своим отделением тотчас же, не теряя времени, принялся за работу. Бойцы срубили несколько толстых деревьев, приволокли болыные камни, а также и все это свалили на шоссе. У завала сержант оставил ефрейтора Сергеева с двумя бойцами и крикнул:

— Как появятся немецкие разведчики, обстрелять, да так, чтобы побольше их уложить, а потом сбиться и отойти к мосту. Там и встретимся.

С мостом у Тюлькина хлопот было немалое: живо поднимали поперечные перегороды и центральные столбы, затем срывали завал небольшие бревна и несколькими ударами капи столбы в сторону. Мост провис, но внешне оставался таким, как и был.

Тюлькин еще раз осмотрел мост, красноречивым подмигиванием выразил свое удовлетворение сделанной работой и с такой же энергией занялся выполнением второй части задания — устройством засады. Для этого он приказал отойти возле моста противотанковые истребители, вел бойцам заехать, тщательно замаскироваться и бутылки в готове гранаты и бутылки с горючим.

Пока Тюлькин хлопотал у моста, младший лейтенант Дубов с

тремя отделенными занял оборону несколько дальше, у выступа леса. Своему помощнику Новикову он приказал находиться с отделением сержанта Жува в роще.

— Откройте окна на отделение с таким расчетом, чтобы обеспечить наш отход и воспретить движение немцев по шоссе.

— А как быть с отделением Тюлькина, когда он вернется в рощу? — спросил Новиков.

— Подготовьте огневую позицию для Тюлькина. По сигналу отойдете на северный скат высоты Длинной. Там и соберется весь взвод.

В назначенное время батальон начал отход на рубеж Никольское. Лесным тропам пробирались бойцы на восток.

Узнав, что наши части отходят, немцы попытались преследовать их и углубились в лес, но были встрепены сильным ружейно-пулеметным огнем засадных и откатились назад.

Вскоре истрепательская разведка установила, что шоссе на Никольское свободно. По дороге ринулись вять мотоциклов. Мчался один с необычайным шумом. На ходу мотоциклисты беспрестанно валили на пулеметы.

У завала они круто затормозили. В этот момент группа дружной залп, за ним — второй. Нешумные враги бойцов старались бить наверняка. После третьего залпа стрельба прекратилась. У завала лежали в неизвестных позах четыре мотоциклиста. Пятый, владая за собой тучи пыли, мчался по дороге обратно.

Трудно сказать, что доказала своему ober-лейтенанту перепуганный намереть немецкий мотомциклист. Однако, судя по тому, что произошло дальше, можно догадаться, что немецкий солдат постарался изобразить видяло у завала как сраженые лия немцев по меньшей мере с двумя батальонными красками. После этого на распузы с тремя бойцами финскими двинули танки и шесту. Первые прибыли к месту происшествия танки. Волне завала они остановились. Крутом было тихо. Из машин начали вылетать солдаты. Вдур рачалась сухих треск винтовочных выстрелов. Немцы поспешно выгнули обратно задние лапы и отомли вступно, но беспорядочную стрельбу из орудий и пулеметов. Вскоре к этим звукам присоединился еще треск автоматов. Это подоспела на грузовиках немецкая пехота.

Автоматчики стреляли по лесу, не целясь. По немцам валили, но встречном бою, — да еще если противник засел в лесу, не было так много больше шума. И немцы шумели. Сражение разразилось. Стрельба усилилась. Шум поднялся невозможный. Из придорожных кавач строчила пулеметная стрельба.

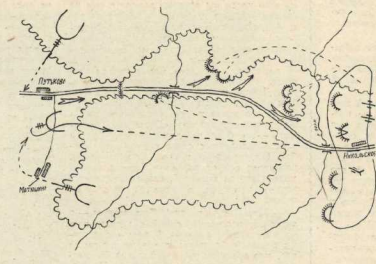
Впрочем, шумелесты эти совершенно безвредны. Это большие, массивные треножки с гибкой стальной пружиной. При вращении пружины вокруг зажатого в руке стержня с зубчатим барабаном получают звуки, удивительно похожие на пулеметную стрельбу...

Все эта шумиха была рассчитана на то, чтобы запугать наших бойцов, посеять среди них панику и заставить их выйти из леса.

Напротив старались немцы. Наши бойцы давно уже не было. Ефрейтор Сергеев совершенно резонно решил, что достал немцам достаточно боеспособности, и потому тихо бойцов начал перетаскивать по танкеткам тихонько отползал в лес. Пока немцы шумели, наши бойцы успели уже присоединиться к своему отделению

Вдолью натепнившись шумовым концертом, немцы наконец утихомирившись, тем более что в них уже никто не стрелял. Солдаты разобрали завал, на этот пришлось потерять много дорогого для них времени. Фашистские танки на пельной скорости вымчались дальше, на восток.

Вот и мост. Головной танк уже почти прошел по мосту, гусеницы передних траков уже коснулись земли. И в этот момент мост неожиданно рухнул. Задняя часть танка грузно осела в ручей. Уг-

— Засада.

— Стрелковое отделение в оавете.

— Мост.

— Пушка.

— Пулеметы.

— Противотанковая пушка.

ДВА ПИСЬМА

Мы нашли эти два письма после атаки населенного пункта С. Командир Загорский, которому адресовались они, лежал навзничь. Одна рука, пробитая из автомата двумя дробью, чуть держалась на тонкой жилке. Кровь застыла на щеках. Рот был полуоткрыт. Видно, командир хотел что-то сказать в последнюю минуту...

Письма были пробиты осколком мины. Мы бережно вскрыли конверт и стали читать:

Фототип Н. Соловьева

Письмо одной.

ловатый верх фашистской машины утащили в небо.

Сзади подползли остальные танки. Они останавливались на дорожке, так как болотистый ручей не давал возможности переправляться вперед. Машины скандинавские, одна за другой. Вдур в самом конце колонны взметнулись вверх дном и повалили густые клубы черного дыма. Это пылали танк, подожженный бутылкой, брошенной сильной рукой Немкиня. Среди немцев наступило замешательство. Танкисты поискали помощи из машины в, спрятавшись куда-то, но бежали к горющему танку. Этот момент удачно использовал бой отряда Толкина. Из придорожных кустов, из щелей повозки в колонну фашистских машин гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Еще два вражеских танка вывели из строя.

Толкина был доволен. Шутка ли: три подожженных танка, четыре разбитых мотора, больше десятка убитых немцев—плодотворный раб работы одного отделения! А главное—выиграли время, надолго задержали немцев.

«Милый Ванюша, твоё письмо получило, которым осталась довольна. Наша Лидочка чувствует себя великолепно. Очень жаль, что ты не видел своей дочурки. Тебе обещали отпуск, но его у тебя отнял Гитлер. У, проклятый немчур!

Ванюша, береги людей и себя. В каком бы положении ты ни был, знай, что я всегда с тобой. Любовь моя к тебе безмерна. Я получаю сейчас помощь от государства. На работу еще не хожу, но скоро пойду. Мама работает в госпитале, ее любят все бойцы и командиры. Отец уже вторую ночь не спит: долго говорит, что выполняет срочный заказ для армии.

Ванюша, ты мне так мало пишешь, что просто обидно. Я знаю, у тебя мало свободных минут, поэтому у тебя прошу: пиши хоть по два слова, но чаще.

Крепко обнимаю и целую тебя, как при первых встречах нашей любви.

Твоя Валентина».

Это письмо написано еще 20 сентября. Я не знаю, послал он ей ответ или нет, но на второе письмо, от 4 декабря, он так и не успел ответить. Его скопировала красавица.

«Немцы, засев в населенном пункте, каждый дом, каждый сарай превратили в крепость. Батальон получил приказ атаковать деревню, выбить оттуда немцев и преследовать их до пункта Г.

Старший лейтенант Иван Загорский дал задание каждому бойцу. Брешь раскопал. Договорились последние звенья. Легкий ветерок, трещал короткие кураки командира роты. Он вздохнул полной грудью, посмотрел в сторону противника и сказал:

«Жаркий будет у нас бой, а политура? — Политура кивнула головой и знак согласия и, затмившись, пустила облако табачного дыма.

Дрогнула земля, над головой со свистом пролетел снаряд, другой, третий... Началась артиллерийская подготовка. Бойцы один за другим перебрались к реке, где намечена была переправа. Фашисты открыли бешеный минометный и артиллерийский огонь по наступа-

ющему. Целый час подтачивали немцы силы, чтобы предпринять наступление на роуч.

Кажется Иванкины за это время сумели укреститься на высоте Динской. Звонко трещали, гудели, стучали стволы средних подготовленных сосредоточенный огонь по реке. Саперы разрушили мост через реку Ворю.

Фашисты наконец двинулись в наступление. Немские танки в минометы засыпали роуч шквалом снарядов и мин. Но роуч уже был пуст. Новиков сбил орудие и присоединился к своему взводу.

Немцы заняли роуч в густых цепях танка спускались в долину Воры. И тогда в противоположном направлении из мины. Но роуч уже был пуст. Новиков сбил орудие и присоединился к своему взводу.

Немцы окатились обратно в лес.

А у высоты в маленьком окошке сидел и хитро помысливал командир батальона Сергей Васильевич Иванкин.

шим, но ничто не могло остановить бойцов. Немцы пустились в ход все свои огневые средства. Рядом с командиром роты бежал политура. Вдур, громко вскрикнув, он упал лицом в свежесрытую снарядом воронку. У командира роты от боли сжалось сердце, но останавливаться было некогда. Ворвавшись на кожную оканчивая деревню, красноармейцы забросали дома, где засели фашисты, гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Вдруг дрогнула и побежала, бросая оружие. В ту минуту, когда снайпер Божтырков целился в засевшего на чердаке автоматчика, последний вынул из длинной очереди по Загорскому. Загорский пошатнулся, пробежал еще несколько шагов и упал.

Нельзя перестало биться сердце молодого бойца, сердце, так беззаветно любившее родину. Оно погибло вместе с другим, дражнившись за каждую иядь советской земли.

И вот второе письмо. Я перечитываю его вновь, и печаль о погибшем товарище наполняет мое сердце.

«Любимый Ванюша. У меня на сердце часто тревожно, мне кажется, что ты ранил и посто- му молчишь. Поверь, милый, что очень тяжело, когда не получаешь письма от того, с кем сызвала свою жизнь, кого больше всего любишь. Ванюша, напиши хоть два слова, «Жизнь, доброе», — и мне будет легче. Я так страдаю по тебе! Это знают только одни бессонные ночи. Бей проклятых гадов, уничтожай всех до последнего! Это они отняли у нас замечательную жизнь и любовь».

Остался в надежде получить от тебя хоть маленькую весточку. Целую, твоя Валля».

О своем любимом безстрашном командире Иване Загорском бойцы сложили простую и трогательную песню:

«Тебе, комрад и друг любимый,
Мы песенку поем.
Через леса, дубы, долины
Мы славу пронесли
О том, с кем часто мы делили
Горе и печаль,
О том, с кем в бой не раз ходили,
Кого еще больше жаль».

Смело и решительно мы идем туда, где ждет нас опасность, без страха глядя в глаза смерти, без страха Иван Загорский. Нам больно от сознания, что его нет с нами. Но верьте, Валентина, намать о вашем мужере-бо будет очень жить в наших сердцах. Мы оптимисты!

Действующая армия.

Когда Дубов прибыл с докладом, Иванкин обнял его и сказал:

«Ловко сработал, Дубов! Теперь — в атаку, дружок. Отход-то ведь предвзвешенный был.

— Как предвзвешенный? — опешила Дубов.

— Очень просто. В мешок немцы вложили. В аэроу у Пугачова и Митюхиных остались наши батальоны с танками. Сейчас они, вероятно, уже вошли в клещи окопа маленькому колонну, которая ухватилась за нами.

Все еще все планшам, изумленный Дубов спросил:

— А зачем же я — холостяк?

— Немцы-то ведь — тоже не дураки. Начни мы вправо отходить, они сразу догадались бы, что тут какой-то подвох. А так мы лавы командира полка сплошь по нотам разгрызли.

К рассвету следующего дня наши части окрылись боевое дурное настроение атаковали с танками, а к вечеру сильная группировка немцев была окончательно уничтожена.

помешать делению наблюдению с воздуха данного района, пункта или направления. Воздушная разведка ведется путем визуального (зрительного) наблюдения и фотографирования разведываемых объектов.

Разведка. Чтобы осмысленно действовать на войне и успешно разрешать боевые задачи, необходимо иметь сведения об обстановке и прежде всего о противнике в местности. Сбор, домысливание этих сведений и называется разведкой. Разведка — глаза и уши войск. Пренебрегать разведкой — значит действовать вслепую, подвергаться неожиданным ударам врага.

Роль и значение разведки в современной войне все более повышается. Масштабный характер боя, высокая подвижность войск, многочисленные технические средства борьбы — все это заставляет действовать весьма оперативно. Теперь более чем когда-либо нужно тщательно изучать условия, в которых предстоит выполнять ту или иную боевую задачу. Без этого нельзя сохранить за собой инициативу и рассчитывать на успех.

Разведка ведется всеми родами войск, постоянно и непрерывно — днем и ночью, перед боем, во время боя, после боя и в периоды затишья.

Сведения, добываемые разведкой, должны быть достоверны и полным. Неполные сведения приводят командира к ошибочным выводам об обстановке и, следовательно, к неправильному решению. Очень важно, чтобы сведения о разведке поступали своевременно. Иначе они теряют всякую ценность.

Разведка противника преследует цель установить, где он находится, каковы его силы, состав, группировка, его намерения и боеготовность. Так, перед наступлением на обороняющегося противника требуется точно определить систему его обороны, местонахождение основных точек, характер укреплений и заграждений, вскрыть наиболее уязвимые места в обороне и т. д.

Сведения о противнике добываются боевыми действиями войск, воздушной и наземной разведкой, службой наблюдения в подслушивание, от пленных и перебежчиков, радиоразведкой, изучением захваченных документов и переписки, а также от местного населения. Одновременно собираются сведения о местности и о районе боевых действий.

Опыт войны показывает, что при разведке противника, засеменя в обороне, особенно действуют наши лучшие разведывательные подразделения и группы. Отделения и группы в составе 3—5 человек подползают почти вплотную к огненным точкам противника, определяют их расположение, обнаруживают скопления вражеской пехоты, места окопов, холмов сообщений, блиндажей. Нередко разведчики проникают в промежутки между опорными пунктами немцев, подбираются к ним с флажком и тыла и выясняют, где находятся противотанковые орудия, минометы и командные пункты врага.

Разведка местности имеет целью выяснить свойства местности, узнать, будет ли она благоприятствовать или, наоборот, мешать выполнению боевой задачи. Не разведка местности, войска при выполнении маневра могут неожиданно натолкнуться на трудно проходимый участок, что усложнит или сорвет задуманный маневр.

Воздушная разведка. Эту разведку в интересах войск ведут все виды боевой авиации при выполнении ими боевых задач. В отдельных случаях ее осуществляют специально выделенные самолеты. Воздушная разведка может в короткий срок дать общее представление о противнике в целом и в единичном районе. Надо заметить, однако, что всякая зависимость авиации от метеорологических условий и противодействие противника могут

Наземная разведка. Ее ведут все наземные войска. Она дает сведения о противнике непрерывно, вне зависимости от состояния погоды, времени года и суток. Данные наземной разведки наиболее достоверны и полны. В пешую разведку осуществляется конными и пешими разведывательными взводами (ротами). Ее ведут также стрелковые подразделения — от отделения до батальона. В зависимости от задачи этим подразделениям придают огневые средства, саперы, химика и т. д.

Разведка наблюдением. При разведке наблюдением подразделения действуют скрытно, уклоняются от столкновения с крупными силами противника, помня, что его основной задачей — разведка, но одновременно доносит о встрече с противником своему начальнику. Если пришлось встретиться с одиночными солдатами или слабыми дозорами противника, подразделения (когда это не препятствует выполнению его задачи) внезапно нападают на врага и без выстрела захватывают в плен, а при невозможности захватить уничтожают его. Если же столкновение с более крупными силами противника происходит внезапно, подразделение смело атакует врага и прорывается из вражеского окружения.

В войне с немцами разведчики Красной Армии показывают образцы умения и отваги. В своих действиях они сочетают скрытность, выдержку и хитрость с решительностью и смелостью. Они не теряются при встрече с врагом и с честью выходят из любых положений. Разведчиков под командой лейтенанта Гапркокова проникла в тыл врага. Там она столкнулась с немецким отрядом. Немедленно открыл огонь из автоматов и забросав врага гранатами, отважные разведчики уничтожили 35 фашистов и без потерь вернулись в свою часть с оружием и документами убитых немцев.

Боевая разведка ведется всеми родами войск в условиях непосредственного соприкосновения с противником и в бою. Ее ведут перед фронтом, на флангах и в глубине боевых порядков врага. Боевая разведка устанавливает флажки, стыки и расчленение боевых порядков противника, группировку его артиллерии, танков, подвижных частей, характер обороны, наличие заграждений, минных полей и т. д. Умело организованная и проведенная разведка боем дает наиболее точное представление о противнике.

Помимо общевойсковой (пехотной) разведки проводится специальная разведка: артиллерийская, танковая, инженерная, химическая, связь. Она осуществляется с помощью разведки общевойсковой штаба.

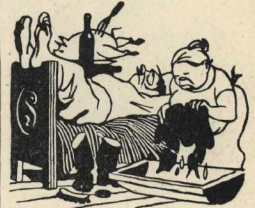
Ночной поиск проводится обычно мелкими пехотными подразделениями (отделением, взводом). Цель поиска — захватить пленных и добыть необходимые сведения, например выяснить, находится ли противник на занимаемом им месте рубеже или начинает отходить. Поиску предшествует тщательная подготовка: заранее намечается путь следования к объекту поиска и разрабатывается подробный план действий. Выполнение поиска производится внезапно, без огневой подготовки и криков «ура».

Командирская разведка проводится перед продвижением войск. Наблюдатели выдвигаются вперед, в боевые порядки, в опорные пункты, из боевых машин, с самолетов. В процессе этой разведки окончательно уточняются имеющиеся данные. Вместе с тем командир получает наиболее представление об условиях предстоящего боя.

Наблюдение ведется во всех видах боя и всеми родами войск. Наблюдение должно быть непрерывным и давать возможно более полные, достоверные и своевременные сведения о силах и действиях противника, огневых и технических средствах и о характере местности. Штабы организуют сеть специально выделенных наблюдателей. В бою наблюдение ведет каждый боец и командир.

Растла финская хума
Была от немца без ума.

Поваря наглости пустой,
Пустила немца на постой.

Теперь от слез сошла с ума:
С сумой осталась сама.

ХУДОЖНИК НА ЛИНИИ ОГНЯ

Среди героических защитников полуострова был один, у которого на вооружении, кроме всего прочего, был еще терновый венец и кусок стотонного линолеума. Еще несколько дней по этому линолеуму шаркали тяжелыми сапогами краснофлотцы. Но вчера дем разрушен снарядами. Никому не нужна больше дорожка, приглушающая шаги. Художник находит ее в развалинах и уносит к себе в блиндаж.

Назавтра в любимой краснофлотской газете, задорной и отважной, появится адекватные карикатуры Бориса Пророкова.

Много месяцев назад вступил он впервые на прибрежную галку полуострова. Здесь он обжился, стал бывальным человеком. Его карикатуры и рисунки, вырезанные на линолеуме и отпечатанные в газете и листовках, так же как штык моряка, воюющего на суше, колот врага острой сатирической издевкой, смехом, громким и беспощадным...

Каков бы ни был артиллерийский обстрел (в среднем враг анушася около двух с половиной тысяч снарядов), касса бы ни была обстановка, карикатура или рисунок в номер должны быть сданы. Не всегда герой очерка может прийти в блиндаж к художнику. Тогда Борис Пророков сам отпалывает к «натурщику», который в это время находится где-нибудь на огневой позиции. Иногда «натурщик» живет на каком-нибудь из материковых островов, рассматривая пригрозней вокруг крепости. Тогда художник спешит к нему на катере сквозь соленые брызги волн.

Часто, когда рисунок уже вырезан штыкелем и газета начала печататься, неожиданно крошится линолеум. Он не виноват, этот старый кусок прорванного полоника. Его топтали много лет ногады. Он и не думал попасть в руки художника. Какое, казалось бы, отношение может иметь стотонный линолеум к изобразительному искусству? Но когда нет шпателя, а рисунок нужен позарез, и дорожка на полу мобилизуется для нужды газеты.

Здесь, на Балтике, познакомился Борис Пророков со своим земляком из Иваново, краснофлотцем Михаилом Дудиним, способным поэтом, ироником из той же породы несгибаемых людей, умеющим, не дрогнув, смотреть в лицо смерти.

Земляки работали в тесном содружестве, и коморетический отдел на челябской стралике завоевывал все большую популярность и любовь краснофлотцев.

Когда однажды по какому-то причинам в газете два дня подряд не появлялись карикатуры, в редакцию пришла ехидная и в то же время дружеская записка от моряков с одного из самых тяжелых участков обороны: «Мы здесь и то не улыбаем, а вы что же второй день не смеетесь?»

Был случай, когда Дудин и Пророков, пошла в обскую переделку, очутились на борту тральщика. Как только команда узнала, что на корабле находится «наемщик» из газеты, Пророков всучил цветной карандаш и попросили срочно сделать юмористическую сценку. Оба «наемщика» сидели в моряках бушлатах, прохорошко, устало, но работа шла полным ходом: один писал фельетон, другой рисовал карикатуры.

Только после войны мы придем на большую выставку работ Б. Пророкова и несколько возьмем в руки альбом рисунков художника, вданый на розничной бумаге.

Но нам не менее дороги его рисунки, напечатанные подчас на сорой, чуть ли не оборотной бумаге, вырезанные при свете убогого лампы на куске стотонного линолеума...

— Ну улыбнись, мой милый! —

— Ты постой, постой красавица моя... —

Старо-Русские мотивы

Рисунки Б. Пророкова (Из краснофлотской газеты)

ТРАГЕДИЯ ОБМАНУТОГО СЕРДЦА

Немцы от мороза прячутся в женские платки и шапки (из газет).

Намечший офицер, как в сказке, Мечтал о жаркой женской ласке, Терзала страсть его натуру, И вот увидел он фигуру:

«Вам нигуаду уже не деться, Позвольте воле вас погортеться, А вашу грудь и вашу шею Я поцелуюми согрею».

Фигура стала улыбаться: «Насчет погортеться — рад стараться» Лицо открывшего одежки Убило сразу все надежды» Сним М. Дудина

Ответственный редактор — М. Г. ОСИПОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д.34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А. 60390. Подлинно к печати 29/V—42 г. Изд. № 381. Формат 72x110 см. 3 п. л. 8н. в п. л. 86 000. Заказ 1026 Тираж 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

— Восьмой! — удовлетворенно улыбается, говорит лейтенант Нурия Кудряев. «Мессершмитт-109», только что рухнувший на землю, — восьмая вражеская машина, сбитая зенитным расчетом товарища Кулиева, лейтенанта гвардейской артиллерийской части. Фото И. Шасина.